

MILHIST

INFO

Пенской В.В. Сражение при Молодях 28 июля — 3 августа 1572 г.

В статье впервые столь подробно с военной точки зрения исследуется упорное многодневное сражение при Молодях 1572 г., в котором русское войско нанесло сокрушительное поражение татарскому. "И хотя Крым еще долго продолжал представлять серьезную угрозу для России, разгром Девлет-Гирея при Молодях означал перелом в борьбе Москвы и Бахчисарая. До окончательной победы над ханством было еще далеко, но исход векового противостояния двух государств, русского и татарского, по существу, решился именно тогда, летом 1572 г. в Подмосковье."

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoy_1

Ссылка для печатных изданий:

Пенской В.В. Сражение при Молодях 28 июля — 3 августа 1572 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2012. — Т. II. — С. 127-236. <http://www.milhist.info/2012/08/23/penskoy_1> (23.08.2012)

www.milhist.info

2012г.

ПЕНСКОЙ В.В.

СРАЖЕНИЕ ПРИ МОЛОДЯХ 28 ИЮЛЯ — 3 АВГУСТА 1572 г.

«В лето 7080-го ... приходил крымской царь на Русь с великим собранием. И на Молодах у Воскресения Христова крымского царя побии».

«Повесть о бою воевод московских с неверным ханом». XVI в.

Апогей русско-крымского противостояния в XVI в. пришелся, пожалуй, на начало 70-х гг. Два противника, Иван IV и Девлет-Гирей I, сошлись в эти годы в решающей схватке за господство в Восточной Европе. Первый раунд оказался за крымским «царем». В мае 1571 г. его войско нанесло серьезное поражение ратям Ивана Грозного, сожгло Москву и с победой вернулось домой, уводя с собой десятки тысяч пленных. Иван, чье государство было разорено внутренними неурядицами, мором, «межениной» и многолетней войной, утративший к тому времени уверенность в себе и в своих силах, казалось, был готов пойти на серьезные уступки — вплоть до фактической передачи хану астраханского «юрта». Однако они не устроили Девлет-Гирея, и он решил совершить новый поход на Русскую землю, доведя начатое дело до конца. Весной 1572 г. над Русью нависла грозная туча. Последствия проигрыша Иваном Грозным и этой кампании могли быть самыми неожиданными — вплоть до утраты Казани и Астрахани и обязательства русского государя выплачивать крымскому «царю» не только богатые поминки, но и «Магмет-Кирееву дань». Однако надеждам хана не суждено было сбыться. Повторить успех 1571 г. ему не удалось. Более того, татарское войско потерпело в

упорном многодневном сражении с русскими полками при Молодях сокрушительное поражение. И хотя Крым еще долго продолжал представлять серьезную угрозу для России, разгром Девлет-Гирея при Молодях означал перелом в борьбе Москвы и Бахчисарая. До окончательной победы над ханством было еще далеко, но исход векового противостояния двух государств, русского и татарского, по существу, решился именно тогда, летом 1572 г. в Подмосковье.

К счастью для историков, несмотря на в целом неудовлетворительное состояние источников по истории Русского государства XVI в., тем не менее, сохранилось достаточно много свидетельств об этом чрезвычайно важном событии. Здесь и записи в разрядных книгах, и чудом пережившие московские пожары и разорения разрозненные материалы делопроизводства Разрядного приказа, и летописи, и показания очевидцев и современников тех событий, и другие источники.

Одним из основных и важнейших источников по истории кампании 1572 г. являются, вне всякого сомнения, разрядные книги¹. Записи в них содержат подробные росписи воевод и голов, сведения о расстановке полков и планах русского командования на лето 1572 г. Однако информация о ходе боевых действий в разрядных записях носит, к сожалению, достаточно общий характер². Так, очень краткие известия о кампании 1572 г. содержатся в «государевых разрядах», составленных около 1585 и 1598 гг.³ Больше всего сведений о событиях 1572 г. сохранила частная разрядная книга 1475-1605 гг.⁴, но и здесь изложение носит сухой, сдержанный характер, отнюдь не изобилуя деталями.

К счастью, сохранился целый ряд источников, существенно дополняющих данные разрядных книг. Прежде всего, это относится к остаткам текущей документации Разрядного приказа, уцелевших буквально чудом. Речь идет о группе документов, касающихся планирования кампании 1572 г. В нее вошли наказ («память») воеводе Большого полка князю М.И. Воротынскому, полковая

роспись его рати и роспись голов в его войске⁵. Впервые эти документы были обнаружены и опубликованы С.М. Середониным в конце XIX в.⁶, повторно их издание подготовил В.И. Буганов, который попытался учесть ошибки, допущенные при первой публикации⁷. Ценность этих документов заключается прежде всего в том, что они, во-первых, позволяют уточнить основные положения плана русского командования на лето 1572 г., а во-вторых, благодаря им появляется редкая возможность представить примерную численность войска, выставленного на южных рубежах в преддверии татарского нашествия, что позволяет также прикинуть примерную численность всей полевой армии Русского государства в начале 70-х гг. XVI в.

Некоторые детали, дающие возможность уточнить подготовку русской стороны к решающей битве, можно почерпнуть из местнических дел, тесно связанных с разрядными записями⁸.

Не менее важным источником для реконструкции картины событий лета 1572 г. является так называемая «Повесть о бою воевод московских с неверным ханом»⁹. В.И. Буганов, опубликовавший тексты этой «Повести», отмечал, что она является наиболее полным, день за днем описывающим события конца июля – начала августа 1572 г. сочинением, и к тому же была составлена, судя по всему, человеком, или непосредственно участвовавшим в боях с татарами, или же пользовавшийся сведениями, полученными, что называется, «из первых рук». Хотя, как указывал, историк, «Повесть» стала «своеобразным историко-литературным откликом на события 1572 г.», тем не менее, ее можно считать «доброкачественным историческим источником»¹⁰.

Естественно, что мимо такого чрезвычайно важного события не могли пройти и русские летописцы. Сведения о кампании 1572 г. сохранились в целом ряде летописей, причем качество и информативность их неравнозначна — от весьма кратких сообщений до полноценных рассказов, подробно описывающих ход отражения нашествия чуть ли не по дням. Ярким примером летописных свидетельств, относящихся к первой группе, могут считаться

Архангелогородский летописец и Соловецкий летописец второй половины XVI в.¹¹ Во вторую группу входят такие памятники, как Пискаревский, Московский и, несомненно, второй, более полный, вариант Соловецкого летописца, опубликованный В.И. Корецким¹². Заслуживает упоминания и так называемая 2-я Новгородская летопись¹³.

Оставило свой след Молодинское сражение и предшествовавшие ему события также в записках иностранцев. Среди них первое место, безусловно, принадлежит мемуарам немецкого авантюриста Г. Штадена. Он принимал самое непосредственное, хотя не слишком удачное, участие в событиях лета 1572 г., и поэтому свидетельство немца имеет большую ценность¹⁴. Упоминается битва при Молодях в дипломатической переписке того времени¹⁵. Не миновал ее в своем сочинении и князь А. Курбский¹⁶.

Таким образом, сегодня в нашем распоряжении имеется достаточно обширный комплекс документов и материалов, позволяющий реконструировать как ход кампании 1572 г. и сражения при Молодях по месяцам и даже по дням, так и события их предварявшие. Вместе с тем нельзя не отметить, что в отечественной историографии сама битва в частности и кампания этого года в целом, несмотря на всю их значимость, выглядят в известном смысле недооцененными. Их затмевают татарское нашествие 1571 г., сопровождавшееся сожжением Москвы, и наиболее важное событие — отмена опричнины, пришедшееся как раз на это время. Да и сам комплекс источников привлекался к описанию и анализу случившегося летом 1572 г. как правило, выборочно, в зависимости от той задачи, которую ставил перед собой тот или иной историк. Они же обычно мало интересовались военными аспектами, отсюда и разночтения в предлагаемых реконструкциях событий 1572 г., и явные ошибки при описании боевых действий, и другие недочеты.

Первым историком, который обратился к интересующей нас проблеме, может считаться А. Лызлов. В своей «Скифской истории», опираясь главным образом на «Повесть», он дал первое описание как самой кампании, так и

сражения при Молодях¹⁷. Князь М.М. Щербатов, используя документы Посольского приказа и разрядные записи, подверг критике работу Лызлова, предложив свою оригинальную версию событий¹⁸. Не оставил без внимания эту страницу отечественной истории выдающийся российский ученый начала XIX в. Н.М. Карамзин¹⁹. Его описание, основанное прежде всего на летописных свидетельствах и на тексте «Повести», сегодня представляет ценность только с историографической точки зрения. Мимоходом коснулись кампании 1572 г. крупнейшие историки второй половины XIX столетия — Д.И. Иловайский, С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров²⁰. Тогда же формируется постепенно и характерный подход к ее изучению — в контексте событий 1569—1571 гг., истории опричнины и Ливонской войны, которые явно заслоняли Молодинскую кампанию. Примечательно, что в обстоятельном труде по истории Крымского ханства, принадлежащем перу В.Д. Смирнова, немало места отведено нашествию Девлет-Гирея на Москву в 1571 г., совместному турецко-крымскому походу на Астрахань в 1569 г., но ни слова не говорится о ханском походе 1572 г. и его последствиях²¹.

Не слишком изменилась к лучшему ситуация и в XX в. Русских и советских историков по-прежнему в намного большей степени интересовали проблемы внутренней политики Ивана IV, особенно реформы Избранной рады и последовавшая за нею опричнина, а также Ливонская война, нежели история русско-крымских отношений²². Лишь со второй половины столетия начали постепенно происходить перемены к лучшему. Одним из первых обратился к теме А.А. Зимин, давший в своей книге «Опричнина Ивана Грозного» едва ли ни первое основательное, основанное при привлечении значительного количества источников разнообразного происхождения, полное описание кампании 1572 г.²³ Неоднократно касался этой проблемы и один из крупнейших знатоков эпохи Р.Г. Скрынников²⁴. Особняком стоят несколько работ, которые целиком или частично посвящены анализу самих военных действий, а также русским воеводам, возглавлявшим государево войско в эти месяцы²⁵. Сегодня

уже можно сказать, что кампании 1572 г. и сражению при Молодях постепенно возвращается то значение, которое по праву принадлежит им в военной летописи Российского государства. Однако сказать, что их история не таит в себе темных пятен и загадок, нельзя. Достаточно указать на существующие разногласия относительно численности армий, столкнувшихся в смертельном противоборстве на холмах и полях Подмосковья летом 1572 г., и ряд других проблем, неизбежно всплывающих при попытках сопоставить существующие реконструкции тех событий с данными источников. Поэтому считать перевернутой эту страницу ратного прошлого России нельзя.

Но вернемся обратно к истории сражения при Молодях. Эта битва стала апогеем противостояния двух царей, крымского Девлет-Гирея I и русского Ивана IV, растянувшегося фактически на четверть столетия — с 1552 г., когда пришедший к власти в Крыму хан попытался помешать Ивану покорить Казань, по 1577 г., когда крымский «царь» скончался, а его детям, занятым дележом отцовского наследства, стало не до организации больших походов на Русскую землю.

На первых порах инициатива была в руках Ивана Грозного, который на волне эйфории, вызванной успешным разрешением «казанского» и «астраханского» вопросов, предпринял попытку наступления на Крым, имея конечной целью подчинить и этот татарский «юрт» своей воле. Однако, в силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств и причин, это наступление не имело успеха и в начале 1560-х гг. Иван отказался от попыток решить крымскую проблему силовым путем, сделав упор на поиск дипломатического разрешения конфликта. Инициатива перешла в руки Девлет-Гирея, который не преминул этим воспользоваться. Крымское давление на Москву нарастало постепенно. Еще в процессе переговоров дважды, в 1564 и 1565 гг., Девлет-Гирей совершил успешные набеги на южную государеву «украину»²⁶. После того, как в 1566 г. переговоры окончательно были сорваны из-за взаимной неуступчивости сторон, стало очевидно — нового витка

напряженности в отношениях между Москвой и Крымом не избежать. Как отмечал А.А. Новосельский, «...годы 1568—1574 образуют второй и наиболее опасный для Московского государства период татарских нападений. Если в предшествующие годы татары действовали только в качестве союзников польского короля, то теперь они ставят перед собой самостоятельные цели...»²⁷. А цели эти заключались прежде всего в том, чтобы лишить Русское государство плодов его побед 1552—1556 гг. и, вынудив Ивана Грозного уплачивать Девлет-Гирею легендарные «Магмет-Киреевы поминки»^{*}, низвести Россию до положения крымского вассала.

Разгромив русские войска под стенами Москвы в мае 1571 г. и опустошив уезды к югу от русской столицы, Девлет-Гирей полагал, что находится в шаге от достижения этой желанной для него и его предшественников цели. Чтобы «дожать» недостаточно сговорчивого, по его мнению, русского царя, хан принял решение в 1572 г. повторить поход на Москву.

В русской столице относительно намерений «царя» не имели иллюзий — после знаменитого приема татарских послов в селе Братошино в июле 1571 г. желания его были более чем очевидны. Однако, продолжая поддерживать дипломатические контакты с крымским двором и демонстрируя готовность идти на определенные уступки, Иван Грозный и его советники едва ли не сразу после майской катастрофы начали готовиться ко второму акту драмы. Еще в ходе своего пребывания в северных городах Иван Грозный, по сообщению Дж. Горсея, «...имея среди сопровождавших митрополитов, епископов, священников, главных князей и старинную знать, послал за ними и созвал их на царский совет...»²⁸. Можно только догадываться, о чем шла речь на этом совете, если он, конечно, действительно был. Однако предположим, что на нем

---

^{*} Дань, которую обязались было от имени Василия III выплачивать московские бояре и московский же наместник крещеный татарский царевич Петр Ибрагимович крымскому хану Мухаммед-Гирею I после поражения русских ратей от татар под Коломной летом 1521 г.

обсуждались два вопроса – «Что делать?» и «Кто виноват?». Последних нашли быстро — еще в ходе нашествия началось следствие об измене в опричной среде, закончившееся в конечном итоге казнями многих ветеранов опричнины, а затем розыск коснулся и земщины. Поскольку командующий русскими войсками в эту кампанию князь И.Д. Бельский погиб в сгоревшей Москве, то главным виновником в «наведении» «безбожного» крымского «царя» на «православное крестьянство» был объявлен первый воевода полка правой руки боярин и князь И.Ф. Мстиславский. Правда, казнен он не был, однако вынужденно признал свою вину, а затем принес торжественную клятву на верность царю, подкрепленную «поручной записью» со стороны бояр князя Н.Р. Одоевского, М.Я. Морозова и окольного князя Д.И. Хворостинина. Они обязались в случае измены Мстиславского не только заплатить 20 тыс. рублей, но и отдать свои головы «во княж Ивановы головы место». Их «запись» была дополнена еще одним поручительством со стороны князей М.И. Воротынского и И.В. Меньшого Шереметева, а также почти 300 детей боярских, еще на 20 тыс. рублей²⁹. После этого Мстиславского отправили в Новгород, где в начале 1572 г. он был «установлен» царем «наместником по старине»³⁰.

Разрешив вторую часть извечной русской проблемы, Иван Грозный и его новое правительство приступило к решению первой. Об этой работе сохранилось немного свидетельств, но отрывочные сведения позволяют представить те направления и тот размах, с которыми она осуществлялась. Уже в июне 1571 г. три полка под началом боярина князя И.А. Шуйского встали на «берегу» в ожидании набегов татар³¹. В октябре «по государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии указу» боярин князь И.М. Воротынский «со товарищи приговорили» «на поле ездити и поле жечи»³², лишая тем самым татарскую конницу корма и возможности совершить поздней осенью набег на Русь. В конце декабря Иван Грозный приказал «князь Петру Волконскому да Елизарью Ржевскому ехать в Перемышль делать засеку», то есть там, где в мае Девлет-Гирей переправлялся через Жиздру³³. Сам царь в

конце года отправил своих воевод «Свийские земли воевать», а затем лично возглавил большой поход «на Свийские немцы»³⁴. До большой войны дело не дошло, да Иван, видимо, к ней не особенно стремился³⁵. Однако необходимый дипломатический эффект неожиданная демонстрация военной мощи Русского государства на шведов произвела — «и пришел государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси в Великий Новгород и был в Новгороде, а поход свой на Свийские немцы отложил, потому, что били челом государю свийские немцы послы Павел бискуп абовской с товарищи»³⁶. Шведы явно не ожидали, что после погрома, учиненного татарами, русские способны предпринять серьезную военную экспедицию на северо-западном направлении.

Летом 1571 г. Иван Грозный начал обустроить Новгород как свою временную резиденцию, более безопасную на случай нового вторжения татар, чем разрушенная Москва³⁷. Особенный размах эти работы приобрели с конца декабря того же года, когда самодержец прибыл в Новгород «на свийские немцы» и привез с собой свою казну, которую еженощно охраняли 500 стрельцов³⁸. 9-10 февраля 1572 г. в Новгород была доставлена и государственная казна на 450 возах. К тому времени Иван IV покинул Новгород и 5 февраля 1572 г. принял во все том же селе Братошино татарского посла Джан Болдуя и гонца Джан Мухаммеда. Во время этой встречи Иван вел себя уже иначе, чем в июне 1571 г. Психологический шок от майской катастрофы был позади, чрезвычайные меры по восстановлению обороны на юге и боеспособности армии уже дали свой первый эффект. К царю вернулось самообладание и поэтому на приеме Иван уклонился от прямого ответа на вопрос о судьбе не только Казани, но и Астрахани. Им было высказано пожелание, что для решения столь сложного вопроса необходим не простой обмен гонцами и грамотами, а прибытие из Крыма полномочного посольства, с которым и можно было бы обсудить все существующие между Москвой и Бахчисараем проблемы³⁹. Свою точку зрения самодержец еще раз повторил в грамотах, что были посланы с гонцом в Крым в марте.

Понятно, что такой ответ никак не мог удовлетворить Девлет-Гирея, да тот и не скрывал своих намерений вернуться и довершить поражение Ивана.⁴⁰ В Москве это прекрасно осознавали и потому с началом весны 1572 г. военные приготовления были форсированы. Они шли по нескольким направлениям. Большое значение было уделено фортификационным работам. Прежде всего спешно возводились укрепления вокруг Москвы⁴¹, заново был отстроен сожженный татарами Новодевичий монастырь⁴². Однако главное внимание было обращено на укрепление «берега», где должна была пройти главная линия обороны на случай нового вторжения неприятеля. Штаден писал, что «..на реке Ока более, чем на 50 миль вдоль берега, построили такие укрепления: рядом друг с другом вбили два частокола; один частокол стоял перед вторым, два фута в ширину и четыре фута в высоту. Землей, выкопанной от дальнего частокола, забрасывали между двух частоколов, таким образом заполняя его»⁴³. Конечно, эти фортификационные сооружения вряд ли простирались вдоль всего берега на указанные Штаденом 50 с лишком миль. Если речь шла о немецкой миле в 7 км, то получается, что эта «великая китайская стена» имела протяженность более чем 350 км, ну, а если следовать счету Герберштейна — то 250 км, что в принципе совпадает с протяженностью берега Оки между Калугой и Коломной. Скорее всего, речь шла об укреплении берега в тех местах, где была возможна переправа татар через реку. Эти позиции для стрельцов и набранных с «земли» пищальников дополнялись, судя по письму Девлет-Гирея, отправленному Ивану Грозному вскоре после разгрома татарских войск на Молодях, и наказу М.И. Воротынскому, более основательными сооружениями в местах, где через Оку имелись «перевозы»-броды: «...да где в котором месте на Оке перелазы гладки и мелки, и в том месте зделать крепости, заплести плетень и чеснок побити, где в котором месте пригоже какова крепость поделать. Да и на Угре на устье, от устья вверх, до которого места пригоже, по тому же зделати крепости для перелазов», «...на берегу хворостом зделали двор да около того ров копали, и на перевозе наряды

и пушки еси оставив ...»⁴⁴. Эти работы, которые осуществляли пососшные люди, собранные из окрестных сел, и ратники вставших по Оке полков⁴⁵, начались во второй половине апреля 1572 г.⁴⁶, и к моменту начала татарского вторжения были уже полностью завершены.

Однако укрепления бесполезны, если они не будут заняты бойцами, и потому важнейшей задачей, которую должен был решить дьяк Разрядного приказа А.Ф. Клобуков «со товарищи»⁴⁷, было правильное распределение тех сил, которыми располагало Русское государство накануне решающей битвы. Эту проблему приходилось решать в сложных условиях. Страна была истощена многолетней войной — по существу, с того момента, как Иван IV начал свою казанскую эпопею, Россия мира не знала. Изыскать людей, лошадей, деньги, провиант, фураж — одним словом все, что необходимо для ведения войны, с каждым годом становилось все сложнее и сложнее. К этому необходимо добавить еще и последствия не только вторжения татар, но также голода⁴⁸, засухи⁴⁹ и морового поветрия (чумы?), что опустошало Русскую землю в предыдущем году, не прекратившись и в 1572 г.⁵⁰.

Однако, пожалуй, даже не это было самой главной трудностью, с которой столкнулись дьяки Разрядного приказа. В 1572 г. Русское государство снова оказалось в ситуации, когда войну приходилось вести сразу на нескольких фронтах. К счастью, заключенное с таким трудом перемирие с Речью Посполитой было ратифицировано Сигизмундом II в 1571 г. и, несмотря на всю неустойчивость отношений между двумя государствами, продолжало действовать⁵¹. Тем не менее, положение России оставалось сложным. Война со Швецией, вступившая в новую фазу в конце 1571 г., была всего лишь отложена до Троицына дня 1572 г., то есть до 25 мая, когда Иван ожидал в Новгороде послов с ответом на его требования к королю Швеции Иоганну III⁵². Ну, а поскольку война была отложена, следовательно, необходимо было выделить достаточно крупный контингент войск для ее продолжения в том случае, если

перемирие, установленное Иваном Грозным в одностороннем порядке, будет прервано. Добавим к этому, что беспокойно было и в Поволжье⁵³.

Таким образом, в кампанию 1572 г. Русское государство вступало, имея два фронта — северо-западный, шведский, и южный, крымский, исходя из чего Разрядный приказ должен был распределять имевшиеся силы и планировать действия русского войска.

Мобилизация ратников и посохи для наступающей новой поры военной активности началась, судя по всему, еще в конце 1571 — начале 1572 гг. Во всяком случае, в новгородских летописях отмечено, что 11 февраля 1572 г. государь приказал «по всем монастырем Новгородским слуги монастырские ставити, с лошедми и с пансыри, со всем запасом, к Москве, на службу...»⁵⁴. Примерно в конце февраля — начале марта 1572 г. в Разрядном приказе была завершена основная работа над составлением разрядов на кампанию — так, роспись «берегового» разряда была передана назначенному командующим этой группировкой боярину князю М.И. Воротынскому 22 марта 1572 г.⁵⁵

Прежде всего охарактеризуем разряд «похода государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и сына его царевича князь Ивана Ивановича, как ходили на свое дело и на земское в свою отчину в Великий Новгород, а из Новгорода итить на Свийские немцы», так как это представляется чрезвычайно важным для общего понимания стратегической обстановки, планов русского командования и самого Ивана Грозного на лето 1572 г. Для «Свийского» похода к началу лета 1572 г. на северо-западе была собрана достаточно крупная рать⁵⁶. Согласно разрядным записям, она состояла из трех полков — большого, передового и сторожевого⁵⁷. Еще два воеводы были посланы «по ореховским вестям» на усиление гарнизона Орешка⁵⁸. Новгородские летописи также сообщают, что к концу весны 1572 г. в Новгороде были собраны «изо всих городов» «стрелцы великого князя»⁵⁹, а также «государские козаки»⁶⁰. К ним, безусловно, необходимо добавить государевых стрельцов, которые сопровождали Ивана Грозного — в

знаменитом новгородском походе их было, по сообщению летописи, 1500 чел.⁶¹. Кроме того, не стоит забывать еще и о том, что касимовскому «царю» Саин-Булату было приказано в начале 1572 г., по возвращению из набега на Финляндию, «с своим двором жить в Великий Новгород и быть в Новгороде и дожидатись государя...»⁶², равно как и собранные в декабре 1571 г. князьями В.В. Тюфякиным и Г.Ф. Мещерским «казанские князья, и тотары, и черемиса, и мордва» тоже вряд ли были отпущены Иваном домой⁶³. Таким образом, в Новгороде к началу лета 1572 г. вполне могло собраться до 8 тыс. пехоты (стрельцов и казаков), в том числе и посаженной на-конь для большей маневренности, до 5 тыс. татар, мордвы и черемисы, порядка 5 тыс. детей боярских «розных городов»⁶⁴. Вместе с нарядом⁶⁵ и послужильцами детей боярских⁶⁶ в Новгороде и его окрестностях к приезду туда государя вполне могло находиться до 30 тыс. ратных людей^{**}. Что и говорить, сила более чем достаточная для того, чтобы возобновить «бранную лютость» и «обратить» царский гнев на «землю Свейскую».

Однако на «берегу», судя по всему, к началу лета 1572 г. была собрана еще более значительная рать. Для характеристики ее и планов русского командования обратимся к разрядным записям и немногочисленным сохранившимся документам Разрядного приказа. Прежде всего проанализируем план ведения кампании, который позволяет составить полное представление о замыслах Ивана Грозного и его воевод. Этот план подробнейшим образом был изложен в наказе воеводе боярину князю М.И. Воротынскому «с товарищи».

---

^{**} Автор в своих расчетах исходит из того предположения, что в разрядных документах учитывались только дети боярские, без послужильцев. Соотношение последних с детьми боярскими в лучшем случае могло составлять 1 к 1, поэтому наши расчеты показывают верхнюю планку численности царских ратей, приводимые же некоторыми авторами сведения выше этой численности автор полагает недостоверными.

В нем рассматривалось несколько вариантов действий русской рати. В Москве не сомневались в том, что главной целью готовящегося похода Девлет-Гирея будет русская столица, однако какую дорогу он выберет, было неясно. Если крымский «царь» снова, как и в прошлом году, «Оку вверху перелезет, а пойдет на Болхов старою дорогою», «на прямое дело, а не для войны», то «плавная» рать из набранных на Вятке ратных людей вместе с наемными конными «польскими» казаками-пищальниками должны были спешно выдвинуться к Жиздре, стать там «в крепких местах» и препятствовать противнику форсировать реку, сдерживая татар до подхода главных сил. Последним же предписывалось наказом «...по тем вестем со всеми людми и с нарядом идти к Колуге, да будет мочь иметь, чтоб дал бог поспешити на Жиздру со всеми людми. И бояром и воеводам спешить к Жиздре, а у Жиздры став, промышлять со царем царя и великого князя делом, чтоб дал бог не перепустити за Жиздру царя. А будет царь перелезет Жиздру, а пойдет к Угре, и бояром и воеводам стати со всеми людми на реке на Угре...». При этом составители наказа неоднократно подчеркивали, чтобы воеводы ни в коем случае не стремились «на походе со царем на полех без крепостей однолично не сходитися», берегли наряд и пехоту и выбирали место сражения, таким образом, чтобы стрельцы успевали «поиззакопаться по крепким местом»⁶⁷.

В качестве второго варианта действий была изучена возможность наступления хана непосредственно на Москву, кратчайшим путем, «... к реке к Оке прямо меж Колуги и Олексина, или меж Олексина и Серпухова, или меж Серпухова и Коширы, или меж Коширы и Коломны». И снова «плавная» рать и «польские» казаки должны будут поспешать к месту предполагаемой переправы неприятеля с тем, чтобы помешать ему беспрепятственно «перелезть» через Оку. Основные же силы в это время выдвигались бы к месту выхода татар к Оке. И опять в наказе было прописано «накрепко»: «...как у реки станут против царя, а будет в ыном месте люди иные перелезут, и у бояр бы и у воевод, что было заранее розписано, которым пешим людем с пищальми

и конным стояти против тех людей, которые учнут за рекою стоять, а ещо не перелезут; и которым полком от тех людей стояти и береженье держать, которые в ыном месте перелезут, чтоб, приговоря про то заранее, розписати, чтобы в то время ведал, кому где промышляти»⁶⁸. То есть воеводы должны были заранее попытаться предусмотреть возможные варианты действий неприятеля, обдумать контрмеры и довести их до начальных людей с тем, чтобы «всякий воин знал свой маневр».

Рассматривался в Разрядном приказе и тот случай, если татары попытаются форсировать Оку под Рязанью и выйти к Коломне по левому берегу реки. Тогда воеводам предписывалось «итти убережною дорогою, да выбрати крепкое место, да тут стати от реки до лесу и на лесу крепости поделати, да тут полки стати, чтоб, царя из крепких мест на поле не выпусая, его встретить, чтобы стрельцы и с казаки с пищальми в крепком месте при лесе стать и крепости наряду и стрельцом поделати, где какова пригоже, посмотри по месту, и промышляти государевым и земским делом со царем, сколько Бог помочи подаст»⁶⁹.

Наконец, не исключался вариант действий крымского «царя» и его «царевичей», когда они откажутся идти по уже известному маршруту к Москве, а направятся восточнее столицы, во владимирские земли. Последние давно, еще со времен нашествия Мухаммед-Гирея I в 1521 г., не подвергались неприятельским вторжениям и в случае успеха татары могли рассчитывать на богатую добычу и большой полон. В таком случае наказом предписывалось «бояром и воеводам итти к Володимерю да ко Клязме, под Володимерем или где пригоже царя и великого князя делом и земским промышляти со царем». Однако действовать они должны были осторожно и аккуратно, в особенности опасаясь того, что неприятель предпримет попытку ввести русское командование в заблуждение, вынудить его бросить свои полки с «берега» на северо-восток, и тогда «царь» главными силами прорвет оборонительный рубеж по Оке. Особенно подчеркивалась составителями наказа значимость

хорошо налаженной системы дальней разведки. И если «...от станиц вести полные будут, что перелезет парь Дон со всеми людьми с крымской стороны на нагайскую сторону, а пойдет к Шацкому к Мещерской украине, и тогда самим итти к Володимерю, а, по вестем смотря, и из Володимеря итти. А в судех Окою вятчан и казаков польских с ручницами з головами тогда отпустить под царя. А волети на перевозех на Оке и в крепких местах в лесех на царя приходить, смотря по тамошнему делу»⁷⁰.

На всякий случай в Разрядном приказе предусмотрели и такой поворот событий, когда хан решит не идти на Москву, а «перелезчи реку, войну розпустит или заречные места тульские и резанские и олексинские и козельские учнет воевати». В таком случае воеводы должны были, по замыслу авторов плана, «голов с людьми посылати и стрельцов и казаков с пищальми и резвых людей неметцких посылати, а, смотря по делу, и самим делом царя и великого князя промышляти и на крымские люди приходить». Одним словом, воеводы должны были приложить все возможные усилия для того, чтобы хан не смог угнать в Крым захваченный полон, а его «полки» понесли бы как можно большие потери во время «войны» и последующего отхода в Поле⁷¹.

Обращают на себя внимание настойчивые требования составителей наказа к воеводам, чтобы те заблаговременно провели рекогносцировку будущего театра военных действий, выбрали «крепкие места», заранее договорились о взаимодействии между собой, и, «высмотря и приговори, полки поставити и как, приговоря, какую крепость учинити у наряду и у стрельцов у пеших людей, да то все заранее иззаписати да потому в приход царев где полком стати, таковы места себе и прибирати и крепость такову по приговору зделати у наряду у пеших людей». То же самое было сказано и относительно обоза-коша: «А с кошем голов дву добрых крепких учинится, а поставити б их в крепком месте и стрельцов и казаков с пищальми в кошу оставити сколько пригоже, чтоб полк кошовой был особно; только бы стояли в крепком месте»⁷².

И еще одно представляющееся чрезвычайно важным наблюдение, которое можно получить при внимательном анализе наказа. Понимая, что с началом боевых действий определенное численное превосходство будет за неприятелем, русское командование решило сделать ставку на качественное превосходство русской рати над татарской. Красной нитью через весь текст наказа проходит одна и та же мысль — успех будет достигнут только в том случае, если вооруженная огнестрельным оружием пехота, наряд и конница будут тесно взаимодействовать на поле боя, а воеводы сумеют по максимуму использовать те несомненные преимущества, которые давали русским массированное использование огнестрельного оружия и полевой фортификации.

Вернемся обратно к плану кампании. Рассмотренные варианты действий противника повлияли на расстановку полков на «берегу». Прежде всего необходимо отметить, что учитывая общую неблагоприятную обстановку, в Разрядном приказе отказались от мысли встретить противника за «рекой», опираясь на Тулу и другие крепости южнее Оки. Опыта таких действий было немного, да и ставки в игре были слишком высоки, чтобы позволить рисковать принять бой там, где «крепких» мест было явно недостаточно. Как справедливо отмечал В.П. Загорский, «...все было подчинено обороне центра страны, в первую очередь — Москвы»⁷³. Поэтому большая часть ратных людей с «украины» должна была «по вестям» идти во главе со своими воеводами «в сход» с полками на «берегу»⁷⁴. Тем не менее, города и крепости в полосе предполагаемого наступления вражеских сил заблаговременно приводились в боевую готовность: «осады все на Коломне, в Серпухове, в Колуге, на Резани, на Туле, в Козельску и во всех городех украинских людей по вестем заранья в осады собрать однолично. А Коширской уезд собрати в осаду на Коломну да в Серпухов, кому где ближе. А во все города осадчиков послати ранее с того же сроку з Благовещеньева дни (то есть к 25 марта. — В.П.), чтоб везде осады были устроены и собраны и розписаны заранее; **не тогда б осадчиков**

посылать и в осады збирать, как царь придет, собрати б их заранее (выделено нами. – В.П.)...»⁷⁵.

Главные силы русской рати, что должны были принять основной удар неприятеля, включали в себя пять полков — большой, правой руки, передовой, сторожевой и левой руки. К 23 марта («пятое воскресенье великого поста»⁷⁶) ратные люди «береговой» рати должны были собраться «на Коломне и меж Коломны и до Коширы»⁷⁷. Отсюда после смотра полки должны были выдвинуться в назначенные им согласно составленной в Разрядном приказе диспозиции места⁷⁸. Большой полк вставал в Серпухове, правой руки в Тарусе, передовой в Калуге, сторожевой в Кашире и левой руки на Лопасне⁷⁹. Большой полк в качестве усиления получал также наряд и знаменитый «гуляй-город» — русский вариант вагенбурга⁸⁰. Польский ротмистр Н. Мархоцкий описывал его таким образом: «гуляй-города представляют собой поставленные на возы дубовые щиты, крепкие и широкие, наподобие столов; в щитах для стрельцов проделаны дыры, как в ограде...»⁸¹.

В таком порядке русское войско и ожидало нашествия. При анализе диспозиции полков «на берегу» обращает на себя внимание следующее. Прежде всего, чрезвычайно растянутый характер их расположения — от Калуги до Каширы (по прямой — немногим менее 150 км, реально — много больше). Это создавало серьезные проблемы в управлении всей группировкой и налагало большую ответственность на воевод, командовавших отдельными полками, которым приходилось принимать решения на свой страх и риск. Кроме того, концентрация полков на направлении главного удара противника была затруднена и поэтому огромное значение приобретала разведка. Чем ранее будет обнаружен неприятель, чем раньше станет возможным более или менее точно определить его намерения, тем больше времени будет у русских воевод для принятия адекватных ответных мер. Этим и объясняется внимание, с которым при составлении наказа отнеслись в Разрядном приказе к проблемам изучения и подготовки будущего театра военных действий, организации

взаимодействия полков и разведки в Поле, что было отмечено выше. Вместе с тем три полка из пяти находились достаточно близко друг от друга. Речь идет о полках большом, что был в Серпухове, левой руки, что встал, очевидно, близ места впадения Лопасни в Оку, и сторожевом — в Кашире. Их разделяло по 25-30 км вдоль левого берега реки, то есть несколько часов скорого марша. Можно предположить, что пытаясь представить наиболее вероятный вариант действия Девлет-Гирея, в Москве пришли к выводу, что «царь» все-таки будет пытаться скорее всего прорваться именно на центральном, серпуховском направлении и потому преднамеренно усилили именно этот участок оборонительной линии по «берегу».⁸²

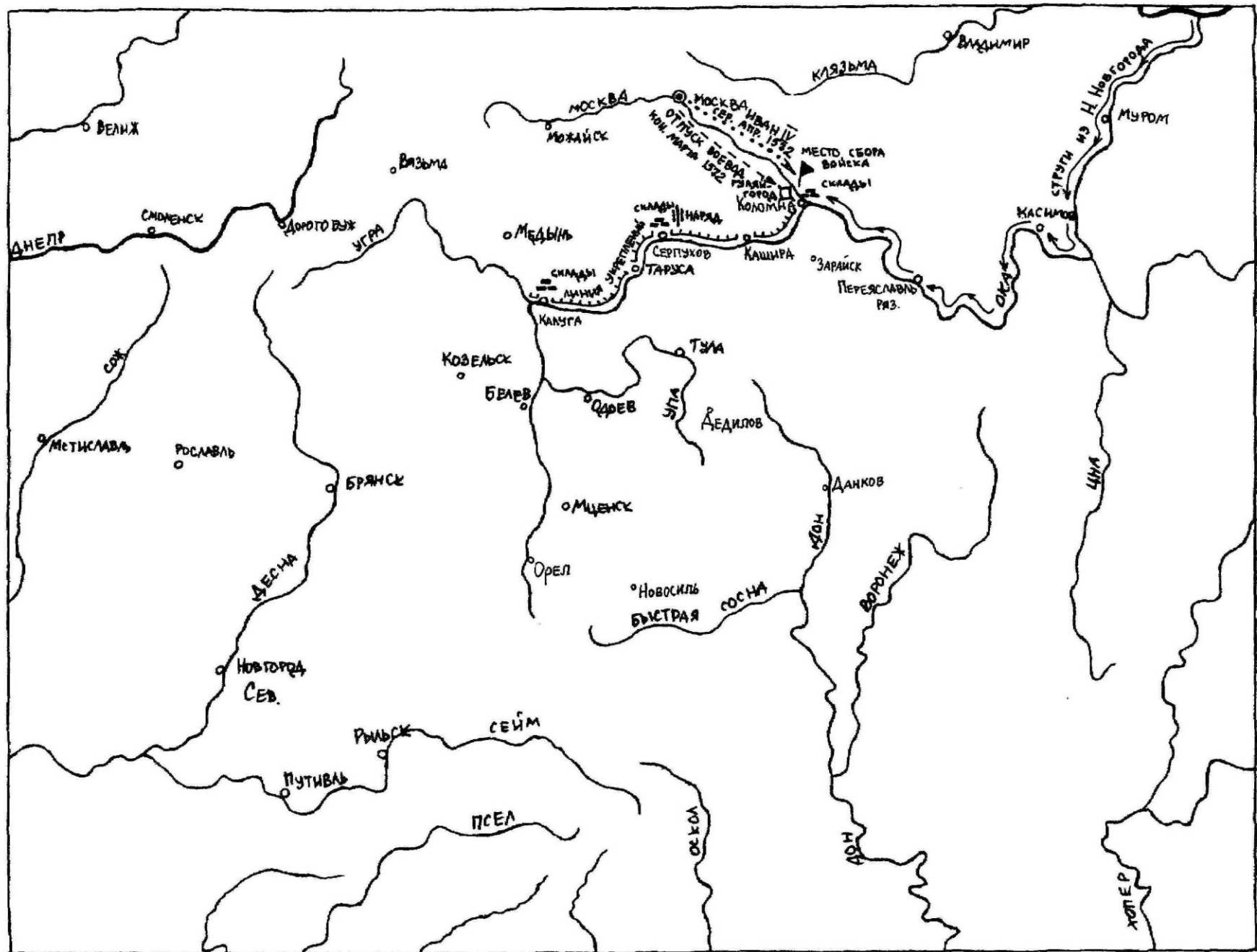
Теперь коснемся численности войска, оказавшегося под началом воеводы князя М.И. Воротынского, его структуры и качественного состава.

В полковой росписи «береговой» рати дьяки Разрядного приказа указали, казалось бы, совершенно точную цифру численности полков, которые должны были сразиться с татарами летом 1572 г. — «всего во всех полках со всеми воеводами всяких людей 20 034 чел., опричь Мишки с казаки»⁸³. Детально расписанные по полкам, эти сведения представляются достаточно точными, не внушающими сомнений, а потому широко использовались различными авторами и проникли в художественную литературу⁸⁴. Однако сомнения относительно их точности были высказаны достаточно давно. Так, Р.Г. Скрынников полагал, что русское войско могло насчитывать до 30-40 тыс. ратников, В.П. Загоровский определял его численность в 50 тыс. чел., А.А. Зимин с оговоркой писал о 73 тыс. русских воинов⁸⁵.

Для того, чтобы более или менее представить **примерное** число воинов, которыми располагал князь М.И. Воротынский летом 1572 г., прежде всего необходимо определить время составления и характер ведомости, имеющейся в нашем распоряжении. Анализируя источники, В.И. Буганов писал, что «...**основной текст документов №№ 1 — 3 (наказ Воротынскому, роспись войска и перечень голов. — В.П.)** был составлен, очевидно, **в конце зимы** —

начале весны 1572 г., но до отправки воевод и войска с нарядом (артиллерией) на берега р. Оки, а **дополнения и исправления** были сделаны уже в ходе отправки войска на службу **весной** 1572 г. (выделено нами. — В.П.)...»⁸⁶. Эти предположения подтверждаются находкой Г.Д. Бурдея, который указал точную дату составления росписи — 22 марта 1572 г., то есть роспись была составлена до того, как в Коломне состоялся царский смотр и полки начали выдвигаться на позиции, предписанные в наказе. Следовательно, есть все основания утверждать, что основной текст документов был составлен до того, как был произведен смотр **всего** войска. В этом случае становится ясным, почему составители росписи не указали в ней точное число казаков атамана М. Черкашенина, что должны были прибыть на соединение с «береговой» ратью. В момент составления росписи неизвестно было, сколько казаков явится с названным атаманом, поскольку они были не холопами великого государя, а вольными людьми, его союзниками, и в поход могли выступить и сто, и тысяча, и больше воинов, одним словом, сколько «похочет».

Таким образом, из всего вышесказанного вырисовывается следующая картина — в конце зимы — начале весны 1572 г., в преддверии очередной «татарской» кампании, дьяки Разрядного приказа составили **предварительную** роспись выделяемого для нее войска. Естественно, что эта она была неполной и не отражала реальное состояние армии, которая оказалась на «берегу» летом того же года. Почему? Во-первых, в наказе Воротынскому четко и недвусмысленно прописано: «А которым князем, и детем боярским, и немцом,

Подготовка русских войск к кампании 1572 г.

и стрельцом, и казаком и всяким людем в котором полку быти, и тому послана к бояром и воеводам розпись и списки. И боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичю Воротынскому взяти себе списки и бояром и воеводам списки роздать...»⁸⁷. Значит, именно эта предварительная роспись и была выдана Воротынскому, он же раздал ее копии подчиненным воеводам. Далее князю предписывалось после сбора ратных людей в районе Коломна—Кашира выступать на позиции по «берегу»⁸⁸. И далее из контекста наказа следует, что после прибытия на указанные места князь должен был **«...поймати по полком памяти: сколько с кем будет людей полковых в доспесех и в тегилях, и без тигилев и сколько кошевых. Да розписати, выбрав, головы добрые и розписати детей боярских и их людей по головам (выделено нами. — В.П.) по всем полком, чтоб всех людей розписати заранее»**⁸⁹.

Итак, можно с высокой степенью уверенности предположить, что на основе этой предварительной росписи, после смотра по прибытии на места, М.И. Воротынский должен был провести окончательное «устройство» полков, включая и «прибылых» украинских воевод с их людьми⁹⁰, составив новую, на этот раз полную и окончательную роспись ратных людей всех разрядов «по головам», включая сюда послужильцев детей боярских и (sic —!) даточных пищальников⁹¹. Между тем в росписи указаны «по головам» дети боярские, стрельцы, казаки городовые и наемные, «немцы» ротмистра Ю. Фаренсбаха (о них речь ниже — В.П.), вятчане «на струзах», тогда как ни послужильцев детей боярских, ни даточных, ни кошовых, что должны были быть описаны «опричь прочих» — их нет. Следовательно, цифра 20 тыс. чел. носит всего лишь предварительный характер и не отражает действительную численность русского войска при Молодах.

Правда, все эти доводы можно подвергнуть сомнению на основании того факта, что был отмечен В.И. Бугановым — в тексте документа есть приписка против фразы о наряде, что он уже «послан»⁹². Однако, во-первых, это всего лишь приписка к основному тексту, касающаяся только одного его раздела, а

во-вторых, из текста наказа Воротынскому отнюдь не следует, что наряд был на смотре в Коломне⁹³. Кроме того, судя по писцовой книге Коломны 1577/1578 гг., там хранился знаменитый «гуляй-город» и затинные пищали к нему⁹⁴, но не сам полковой «наряд», который, стало быть, находился в Серпухове. И если большой полк должен был стоять в Серпухове, то имело ли смысл по весенней распутице перевозить с большими трудами наряд из Серпухова в Коломну, а потом опять направлять его в Серпухов?

Определив, что известная роспись носила предварительный характер и не отражала истинной численности русской рати, но только минимальный ее уровень, попытаемся определить верхний, максимальный ее предел. Добавим к почти 12 тыс. детей боярских максимум порядка 9-10 тыс. их послужильцев «в доспесех и в тегилеях, и без тигилеяев». Кроме того, необходимо посчитать также даточных людей с пищалями, механизм сбора которых определен точно — с 500 четей земли «с бояр и со князей и з детей боярских» один боец. Ближайшим аналогом механизма сбора даточных людей может служить роспись войска 1604 г.⁹⁵ Правда, в этом случае, по замечанию А.П. Павлова, скорее всего, исходили из расчета со 100 четей земли один воин⁹⁶. Однако в 1604 г. круг лиц, с которых должны были быть собраны даточные, был ограничен по сравнению с 1572 г. Кроме того, известно также о мобилизации монастырских слуг, и хотя об этом говорят новгородские летописи, вряд ли данное мероприятие ограничилось только лишь одними новгородскими монастырями. С учетом всех этих обстоятельств можно предположить, что вместе с казаками М. Черкашенина М.И. Воротынский имел возможность рассчитывать еще минимум на 3-4 тыс. ратных людей. В сумме получается, что всего «береговая» рать вполне могла насчитывать до 28-32 тыс. чел., без учета кошевых. Распределение людей по полкам см. Таблицу 1.

Таблица 1. Численность полков армии М.И. Воротынского согласно предварительной росписи марта 1572 г.*

Разряды служилых людей	Полки					Итого
	<i>Большой</i>	<i>Правой руки</i>	<i>Передовой</i>	<i>Сторожевой</i>	<i>Левой руки</i>	
Дети боярские	3955 (~7000)	2590 (~4500)	2390 (~4000)	1713 (~3000)	1351 (~2000)	11999 (~20000- 22000)
Стрельцы	1000	500	535	-	-	2035
Казаки	2000	500	650	350	300	3800
«Немцы»	300	-	-	-	-	300
Ратные люди северных городов	1000	-	900	-	-	1900
Итого	8255 (11300)	3590 (5500)	4475 (6000)	2063 (3350)	1651 (2300)	20034 (~28000 без казаков М. Черкашен ина и даточных людей, с ними до 32000)

* В скобках приведены расчетные данные с включением послужильцев детей боярских, численность которых не нашла отражения в росписи.

Анализ данных этой таблицы позволяет сделать ряд интересных наблюдений относительно устройства русских полевых армий того времени. «Береговая» рать на 2/3 состояла из поместной конницы⁹⁷, да и значительная часть пехоты, скорее всего, была посажена на-конь для большей маневренности. Случаев такой службы в то время можно найти немало — например, конными были стрельцы и казаки, входившие в войско И.В. Большого Шереметева в 1555 г. Обращает на себя внимание необыкновенно большая доля ратников, вооруженных огнестрельным оружием — до 1/3 всех бойцов. Еще раз подчеркнем, что русское командование в предстоящей битве сделало ставку на достижение качественного перевеса над неприятелем и, забегая вперед, отметим, что оно не ошиблось в своих расчетах.

Несколько слов о воеводах «береговой» рати. Для начала стоит отметить, что десять ее воевод делились на земских и опричных пополам — по пять земцев и опричников. При этом большим полком командовали только земские воеводы, в передовом полку начальствовали только опричные воеводы, в полку правой руки опричный воевода был первым, а земский — вторым, а в полках левой руки и сторожевом — наоборот. Таким образом, нельзя заключить, что опричные воеводы занимали особое место, равно как и опричное войско само по себе⁹⁸. Как отмечал А.А. Зимин, дети боярские из взятых в опричнину уездов находись под началом как опричных, так и земских воевод. Равно как и «земские» служилые люди должны были идти в бой под руководством не только земских воевод, но и опричных. «Строгое размежевание опричного и земского войск фактически уже перестало существовать к весне 1572 г.», — подытожил свои наблюдения историк⁹⁹.

Теперь можно подвести некоторые предварительный итоги. Царь и Разрядный приказ подошли на этот раз к выбору воевод «береговой» рати чрезвычайно ответственно. Ставки в игре были высоки, и недостаток людей (не стоит забывать о второй рати на северо-западе) можно и нужно было компенсировать не только техническим преимуществом, но и превзойти

неприятеля в качестве командования. К счастью, подчеркнем это еще раз, толковые воеводы были, и на этот раз с назначениями, как показали последующие события, в Москве не ошиблись. Главные, «большие», воеводы, М.И. Воротынский и И.В. Меньшой Шереметев, отслужившие не один десяток лет на самых разных должностях, были опытными и заслуженными полководцами. Воротынский всю свою жизнь провел на «берегу», сражаясь с татарами, и из старших военачальников того времени был, пожалуй самым искушенным в хитростях степной войны. Его «товарищ» Меньшой Шереметев, хотя и отслужил на десяток лет меньше, но имел более разнообразный боевой опыт, ходив походами не только на татар, но и на литву, и на «немцев». Расстановка воевод в остальных полках также наводит на мысль о том, что прежде чем вынести окончательное решение, при царском дворе долго размышляли над этой проблемой. Во всяком случае, чередование знатных, но недостаточно опытных воевод, с менее родовитыми, но зато хорошо зарекомендовавших себя на полях сражений и в походах, говорит о многом. Обращает на себя внимание и возраст большинство (шестеро из 10 разменяли четвертый десяток лет) воевод береговой рати — между 30 и 40 годами. То есть, с одной стороны, они еще сохранили энергию и задор молодости, а с другой — набрали необходимый опыт и выдержку, которых столь недостает порой молодым военачальникам.

Итак, в течение поздней осени 1571 — начала весны 1572 гг. Иван Грозный, Боярская дума и Разрядный приказ проделали огромную работу по подготовке новой кампании. Очевидно, на местах были проведены смотры служилых людей с целью выяснить, сколько их может выступить в поход весной 1572 г. «конно, людно и оружно», затем по итогам смотров «по городом» были разосланы государевы грамоты, «чтоб дети боярские были готовы и запас себе пасли на всю зиму и до весны и лошади кормили, а были б по тем местом, где которым велено бытии...»¹⁰⁰. Зимой были составлены планы ведения кампании и подготовлены предварительные росписи полков и воевод. В конце зимы —

начале весны 1572 г. служилые люди начали собираться в указанные места. Одновременно началась подготовка «украинных» городов и городов по «берегу» к осаде. Видимо, в конце марта Иван Грозный и Боярская дума «отпустили» на «берег» назначенных в полк «берегового» разряда воевод, дав им последнее напутствие¹⁰¹. С 1 апреля в Поле были высланы сторожи, получившие задачу бдительно следить за появлением татар¹⁰². «Большие» воеводы, прибыв на место, начали проводить рекогносцировку местности, выбирая места для «крепостей» и осматривая левый берег Оки. В Коломне, Серпухове и Калуге собирались запасы провианта и фуража для служилых людей¹⁰³, а из Нижнего Новгорода по «полной воде» были перегнаны на Оку «стружи» для «плавной» рати. Ориентировочно в середине апреля Иван Грозный прибыл в Коломну, где лично провел смотр собравшихся полков и проверил, как ведутся работы по подготовке надлежащей «встречи» крымского царя. И поскольку источники не сообщают ни о каких перемещениях, опалах или, паче того, казнях, он, видимо, остался доволен тем, что увидел, и отбыл в Москву.

Полки тем временем начали выдвигаться по указанным им в диспозиции местам, а на берегах Оки закипели работы по возведению укреплений. Одновременно посошные люди строили «гуляй-город». Воеводы же, прибыв на места, провели смотры своих полков, приставленные к ним дьяки составили необходимые «памяти» и «списки», отосланные М.И. Воротынскому. К началу лета основные работы были завершены и все замерло в ожидании грозы.

Девлет-Гирей тем временем неспешно собирал свои силы и тоже готовился к походу. Примерно во второй половине июня 1572 г. он наконец-то выступил в поход. Позднее это мероприятие под пером русских книжников приобрело поистине апокалиптический размах — «...иде царь крымский гнев божий над Рускою землею попущением божиим за грехи наша. И прииде царь с великими похвалами и с многими силами на Рускую землю, и росписав всю Рускую землю, комуждо что дати, как при Батые...»¹⁰⁴. Впечатление о грандиозности

татарского нашествия подчеркивалось и сообщениями о «тьмочисленном» татарском войске, выступившем под началом «царя» на Русскую землю. Так, автор «Московского летописца» писал о том, что в неприятельском войске было «...по смете и по языком с царем и с царевичи и с пашою турских и крымьских, и нагайских, и черкасских людей 150000 и больши; да вогненново бою было 20000 янычаней»¹⁰⁵.

Многие историки восприняли все эти сведения о намерениях хана за чистую монету¹⁰⁶. Однако, по нашему мнению, более близок к истине оказался Б.Н. Флоря. Характеризуя сообщения летописей и Штадена о планах крымского хана, он считал, что в них отразились «...лишь слухи, ходившие в русском обществе накануне и во время вторжения орды». Намного более вероятными он считал замыслы Девлет-Гирея по отторжению от Москвы Казани и Астрахани¹⁰⁷.

Обосновывая этот свой вывод, историк указывал на то, что крымский «царь» для выполнения тех планов, что приписывали ему летописцы и Штаден, не обладал должными силами и ресурсами¹⁰⁸. Их у хана было явно недостаточно для того, чтобы повторить успех Батыя. Тогда вторжению противостояли разрозненные русские княжества, сейчас — хоть и ослабленное, но все же единое Русское государство, ресурсы которого неизмеримо превосходили те, что находились в распоряжении отдельно взятых русских князей XIII века.

Каким же было по численности татарское войско, с которым Девлет-Гирей выступил на Русь? Конечно, не может быть и речи о летописных 150 тыс. всадников, которых привел под Москву хан, и о 20 тыс. янычар¹⁰⁹, сопровождавших его в походе. Также завышенной представляется цифра в 120 тыс. чел., встречающаяся в дипломатической переписке того времени¹¹⁰. Даже 100 тыс. чел., которые обещал выставить Девлет-Гирей в помощь султану в его походе на Персию, и о которых сообщал в Москву отправленный в Стамбул посол И.П. Новосильцев, также представляется чрезмерно завышенной¹¹¹. Ряд

современных историков полагает, что хан выступил в поход с войском примерно в 40-60 тыс. чел., и эта цифра представляется более или менее приближенной к реальности¹¹². По нашему мнению, собственно крымское войско составляло, как и в 1571 г., порядка 40 тыс. всадников, к которым добавились ногаи и отряды черкесов¹¹³. Последних по определению не могло быть много, ибо в поход выступили лишь отдельные князья со своими дружинами. Во всяком случае, сообщение Штадена о том, что вместе с ханом в 1571 г. отправился «свойственник великого князя Темрюк (отец опричного воеводы и брата второй жены Ивана Грозного князя М.Т. Черкасского. — В.П.) из Черкасской земли» ряд историков трактуют именно как сообщение об участии кабардинского князя с его дружиной в походе 1572 г. в отместку за казнь его сына русским царем¹¹⁴.

Остаются ногаи. Их число оценивается по-разному¹¹⁵, и, очевидно, здесь все упирается в то, кто именно из ногайских мурз участвовал в этом походе. Отметим, что в источниках неоднократно упоминается число воинов, которые способны были выставить Большие и Малые Ногайские орды. Так, русский посол в Англию Г.И. Микулин в 1601 г. заявлял, что «воинских людей в Заволжских Нагаех болши осмидесяти тысячь...», тогда как «Казыева улуса мурзы» могут выставить 50 тыс. «воинских людей»¹¹⁶. В том, что и Большие, и Малые Ногаи принимали участие в походе, сомнений нет¹¹⁷. Однако, памятуя о их старинной вражде, трудно представить, чтобы Гази-бий, глава Малой Орды, и Дин-Ахмад-бий, глава Большой Орды, сражались бок о бок. Следовательно, можно предположить, что от последних в походе участвовали лишь отдельные мурзы. Тем более, что Большим Ногаям нужно было беречься внезапного нападения их старинного врага, главы Казахской Орды Хакк-Назара¹¹⁸. Точно также есть серьезные основания сомневаться в активном участии в походе на Москву и Малых Ногаев. В астраханском походе 1569 г. в составе соединенного турецко-татарского войска, по словам И.П. Новосильцева, была всего лишь тысяча «Казыевых людей»¹¹⁹.

Таким образом, не может быть и речи о том, что ногаи выставили в поле всех своих боеспособных людей. Но какую их часть? По мнению В.В. Трепавлова, в походе приняли участие 30 тыс. ногаев Большой Ногайской орды — 15 тыс. из улуса нурадина Уруса и 15 тыс. из улуса Ураз-Мухаммеда и других ногайских мурз¹²⁰. Но 30 тыс. ногаев — слишком уж большое войско¹²¹. Получается, что Большие Ногаи оказались «правовернее» по отношению к Девлет-Гирею, чем Гази-бий, «каменная стена Крымского юрта»? Не пытаюсь определить, сколько всего воинов Дин-Ахмада-бия приняло участие в походе Девлет-Гирея на Москву, предположим, что если и больше «Казыевых людей», то не намного. Всего в сумме их было, по нашему мнению, менее 10 тыс.

Следовательно, по нашему мнению, ханское войско скорее всего насчитывало до 50 тыс. воинов. Кстати, об относительной немногочисленности войска говорят и быстрые действия татар в ходе боев на Оке и под Москвой — трудно представить, что 20 тыс. всадников с заводными лошадьми могут переправиться через Оку в течение короткой июльской ночи по одному только броду. Определенно в состав армии Девлет-Гирея входило несколько сотен (не более тысячи) его собственных «стрельцов», которых и имели в виду современники, когда говорили о «янычарах» на службе у крымского «царя», и легкая полевая артиллерия¹²². Естественно, армию сопровождал и значительный по размерам обоз-«кош»¹²³, тем более что речь не шла о простом стремительном набеге за ясырем, но о серьезной войне, о «прямом деле».

Итак, на берегах Оки предстояло встретиться двум армиям. Татары имели несомненное преимущество в коннице, тогда как русские — в пехоте и артиллерии, к тому же русское войско опиралось на заблаговременно возведенные полевые укрепления. Это позволяло компенсировать определенное численное превосходство татар, однако у них было серьезное преимущество. Девлет-Гирей наступал, а Воротынскому приходилось держать оборону, таким образом татары владели инициативой, по крайней мере, на первой фазе операции, и могли выбирать время и место боя. Поэтому крымский

«царь» мог держать свои «полки» в кулаке, тогда как Воротынский, не зная точно, где враг нанесет свой удар, волей-неволей должен был растянуть свои силы «тонкой красной линией» вдоль берега Оки от Калуги до Каширы.

Все это делало исход схватки трудно предсказуемым. Цена ошибки была очень велика. Иван Грозный прекрасно все это понимал, и не случайно, прибыв в Новгород 1 июня 1572 г., он искал успокоения и ответа на терзавшие его вопросы в религии¹²⁴.

К этому времени колесо войны уже было раскручено. Избежать войны Девлет-Гирей не мог, даже если бы и захотел — как и у Ивана Грозного, у него не было пути назад. После громогласных заявлений, сделанных после сожжения Москвы, позволить русскому государю и дальше оттягивать разрешение вопроса о Казани и Астрахани означало признать, что хан переоценил свои успехи и размеры того поражения, которое он нанес Ивану. На карту была поставлен не только репутация самого Девлет-Гирея, но и престиж Крымского ханства, его претензии на роль защитника и покровителя всех татар и ислама в Восточной Европе. В марте Девлет-Гирей дождался прихода ногаев и затем, собрав большую часть своих людей, примерно во второй половине мая вышел из Крыма и встал, скорее всего, на Молочных водах, дожидаясь отстающих¹²⁵. Собрав же все рати в одно целое, в середине июня 1572 г. Девлет-Гирей начал свой, как оказалось впоследствии, роковой поход на Москву¹²⁶.

Поскольку и конечная цель похода была хорошо известна, и силы, собранные ханом, позволяли насчитывать на успех, то, видимо, Девлет-Гирей и его лучший военачальник и родственник Дивей-мурза (сын Дивея был женат на дочери хана) не слишком озадачивались вопросом — по какому маршруту идти на Москву, выбрав к тому времени хорошо изученный татарами путь, Муравский шлях. Двигаясь медленно, так как быстрому маршу мешал большой обоз и верблюды, которые отнюдь не являлись быстроходными скакунами, в первых числах июля ханское войско достигло верховьев рек Мжа и Коломак.

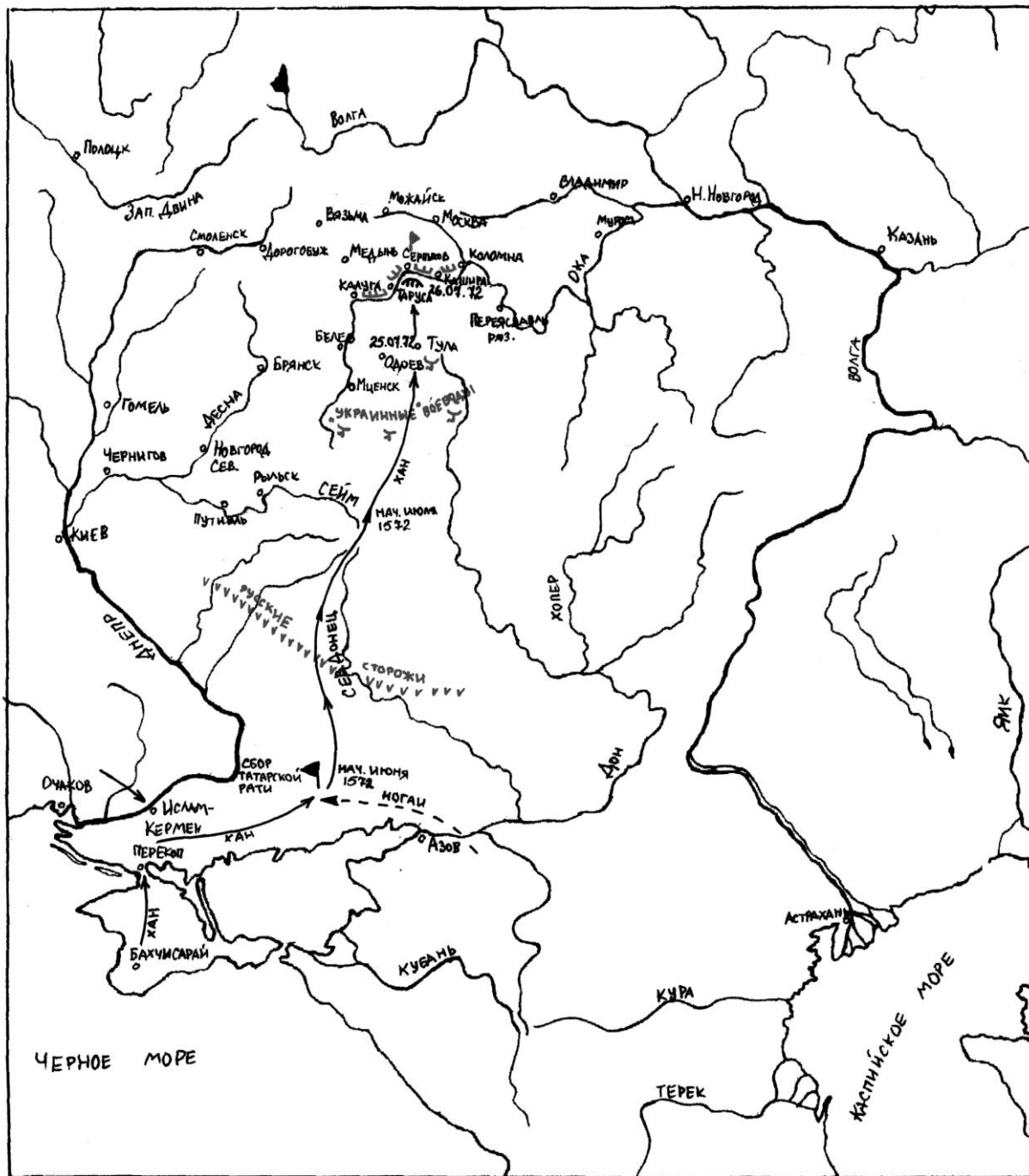
Видимо, где-то в этом районе они были обнаружены русскими сторожами. Немедленно гонцы помчались с вестью в Путивль и Рыльск. Оттуда тамошние наместники князя Г.И. Коркодинов и Г.В. Гундоров отписали на «берег», князю М.И. Воротынскому, и в Москву, князьям Ю.И. Токмакову и Т.И. Долгорукому, об обнаружении неприятеля. 17 июля об этом узнал Иван Грозный¹²⁷. Незадолго перед тем «...государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии из Новагорода от себя посылал на берег перед царевым приходом к бояром и воеводам и **ко всей рати московской и новгороцкой** (выделено нами. — В.П.). То есть можно предположить, что речь идет все-таки о детях боярских, собранных со всех (sic - !) новгородских пятин, а в предварительной ведомости подьячим Разрядного приказа была допущена описка) с своим государевым жалованным словом и з денежным жалованьем князь Осипа Михайловича Щербатова Оболенсково, да Ивана Черемисинова, да думново дьяка Ондreja Щелкалова. И князь Осип Щербатой государевым словом бояром и воеводам и всей рати говорил, чтоб государю служили: «а государская милость к вам будет и жалованье»; и поехали к государю...»¹²⁸. Инспекционный характер поездки не вызывает сомнения, равно как и стремление Ивана приободрить засидевшихся и притомившихся от вынужденного безделья ратных людей государевым жалованием и обещаниями будущих милостей и наград. Очевидно, что эта раздача оказалась как нельзя более вовремя — спустя несколько дней после отъезда государевых посланцев стало ясно, что ждать решающей схватки осталось недолго.

Между тем машина войны постепенно набирала обороты. Воеводы «украинных» городов узнали о том, что из Поля надвигается на Русь крымское войско, не позднее 9—11 июля. Сразу после этого они поднялись со своими людьми и, оставив в пограничных городах-крепостях небольшие гарнизоны, пошли на «сход» с «береговыми» воеводами согласно заранее составленной диспозиции¹²⁹. В назначенные полки они прибыли к середине июля, тем самым завершив развертывание русской армии¹³⁰. М.И. Воротынский и подчиненные

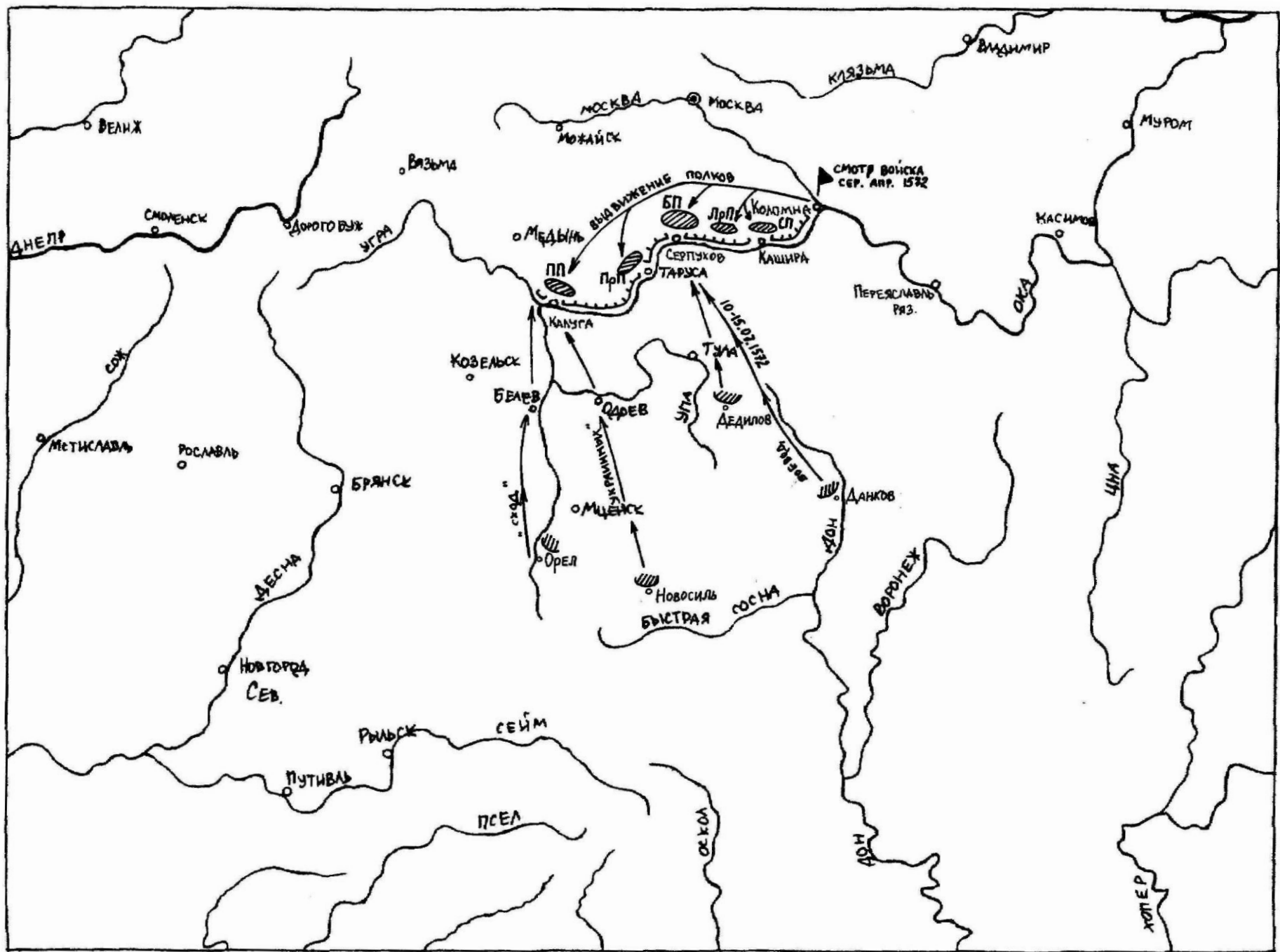
ему воеводы усилили разведку, пытаясь как можно точнее определить главное направление удара неприятеля и успеть стянуть туда все свои силы. Противник облегчил им решение этой сложнейшей проблемы. 25 июля татарские отряды сожгли тульский посад¹³¹, но поскольку осада и штурм Тулы, мощной крепости с сильной артиллерией, в планы Девлет-Гирея не входили, мимо хорошо знакомых стен и башен русской крепости неприятель проследовал дальше к северу, к Оке.

На «берегу», в Серпухове, где находился Воротынский и его штаб («походный шатер»), получив вечером 25 июля известие о появлении татар под Тулой, могли вздохнуть с облегчением — противник явно намеревался нанести главный удар вдоль Крымской (Серпуховской) дороги, по кратчайшему направлению прямо на Москву. К этому времени, видимо, занимавшие позиции на флангах оборонительной линии по Оке передовой, сторожевой полки и полк правой руки уже завершали концентрироваться на подступах к Серпухову, оставив на прежних местах на всякий случай небольшие арьергарды¹³². Риск, на который пошел Воротынский, оправдал себя, и это стало очевидно уже на следующий день.

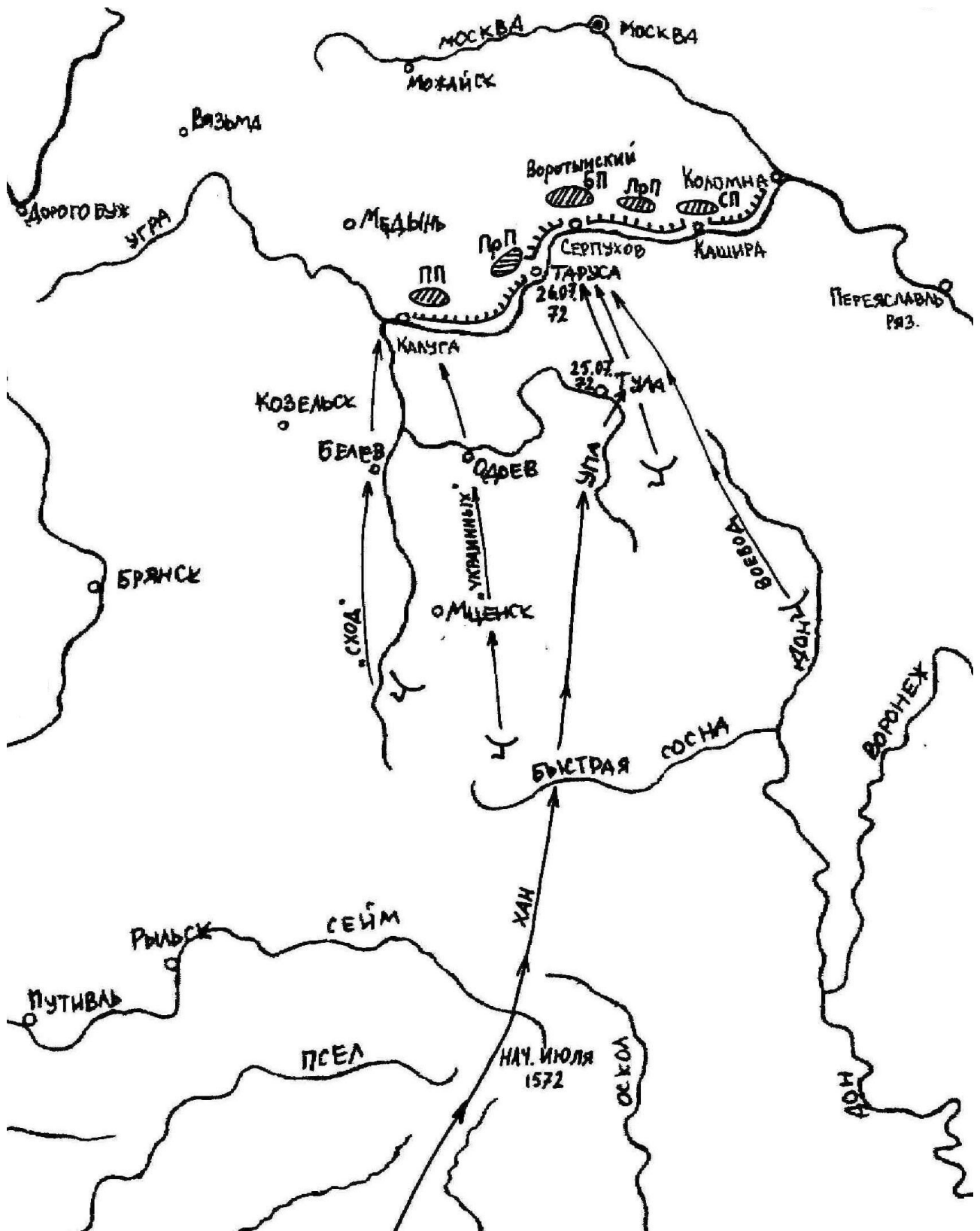
В субботу 26 июля 1572 г. авангарды крымской армии вышли к Оке в районе Серпухова и с ходу уперлись в русские укрепления по левому берегу реки¹³³. В районе Сенькиного «перевоза», находившегося в двадцати с небольшим км от Серпухова вниз по течению Оки¹³⁴, они попытались с ходу преодолеть реку, однако к этому времени Воротынский уже успел стянуть свои силы поближе к Серпухову. На Сенькином «перевозе» татар встретили ратники сторожевого полка воевод князя И.П. Шуйского и В.И. Умного Колычева¹³⁵. Обстрелянные артиллерией, поражаемые пальбой казаков и пищальников из-за «плетня», немногие татары смогли преодолеть усыпанный чесноком брод. Выбравшись же на левый берег Оки, они были контратакованы дворянским сотнями и сброшены обратно в реку. Понеся потери, татары откатились назад.

Начало кампании 1572 г.

Развертывание русских войск в кампанию 1572 г.

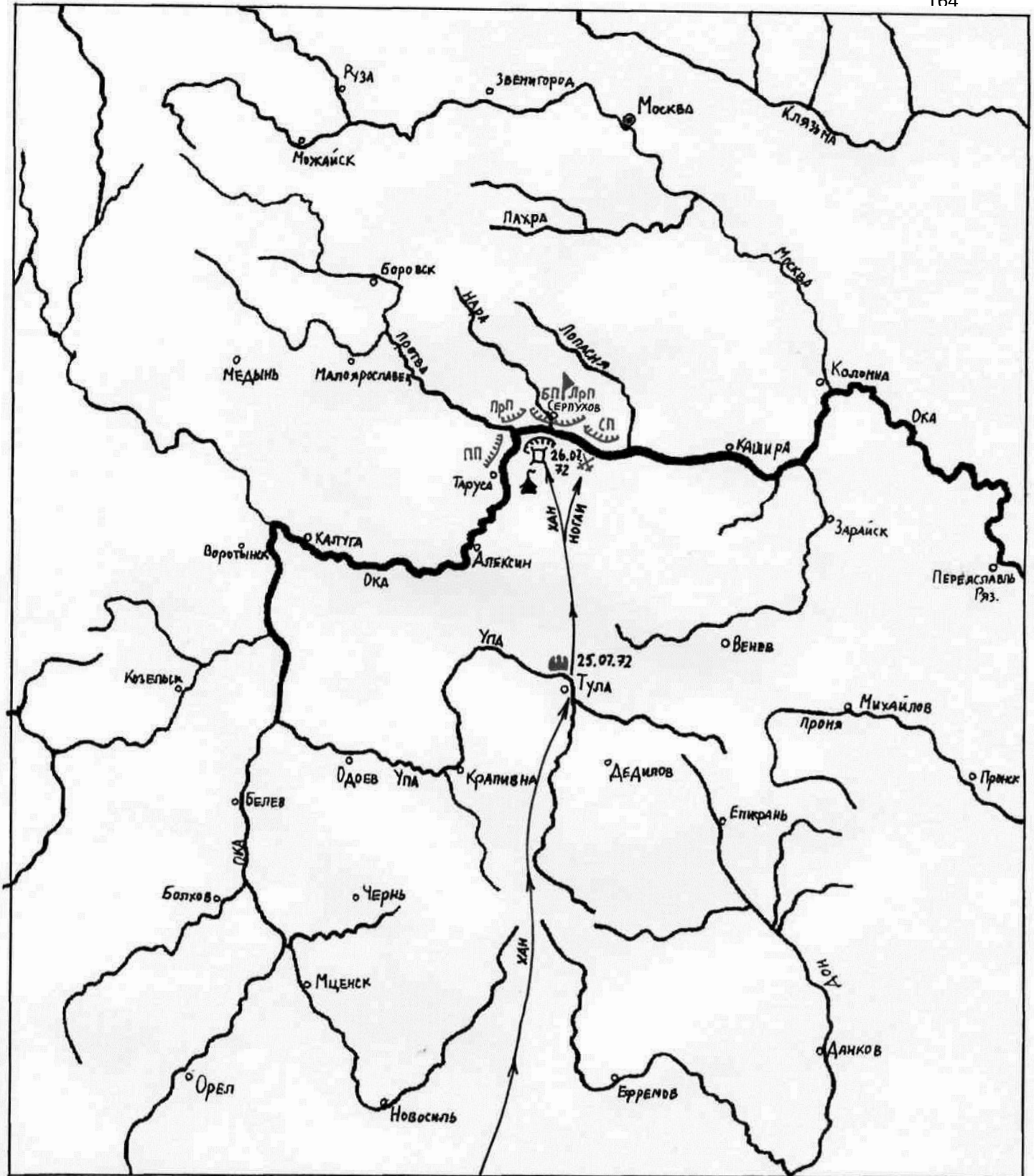

Выход войск Девлет-Гирея к Оке.

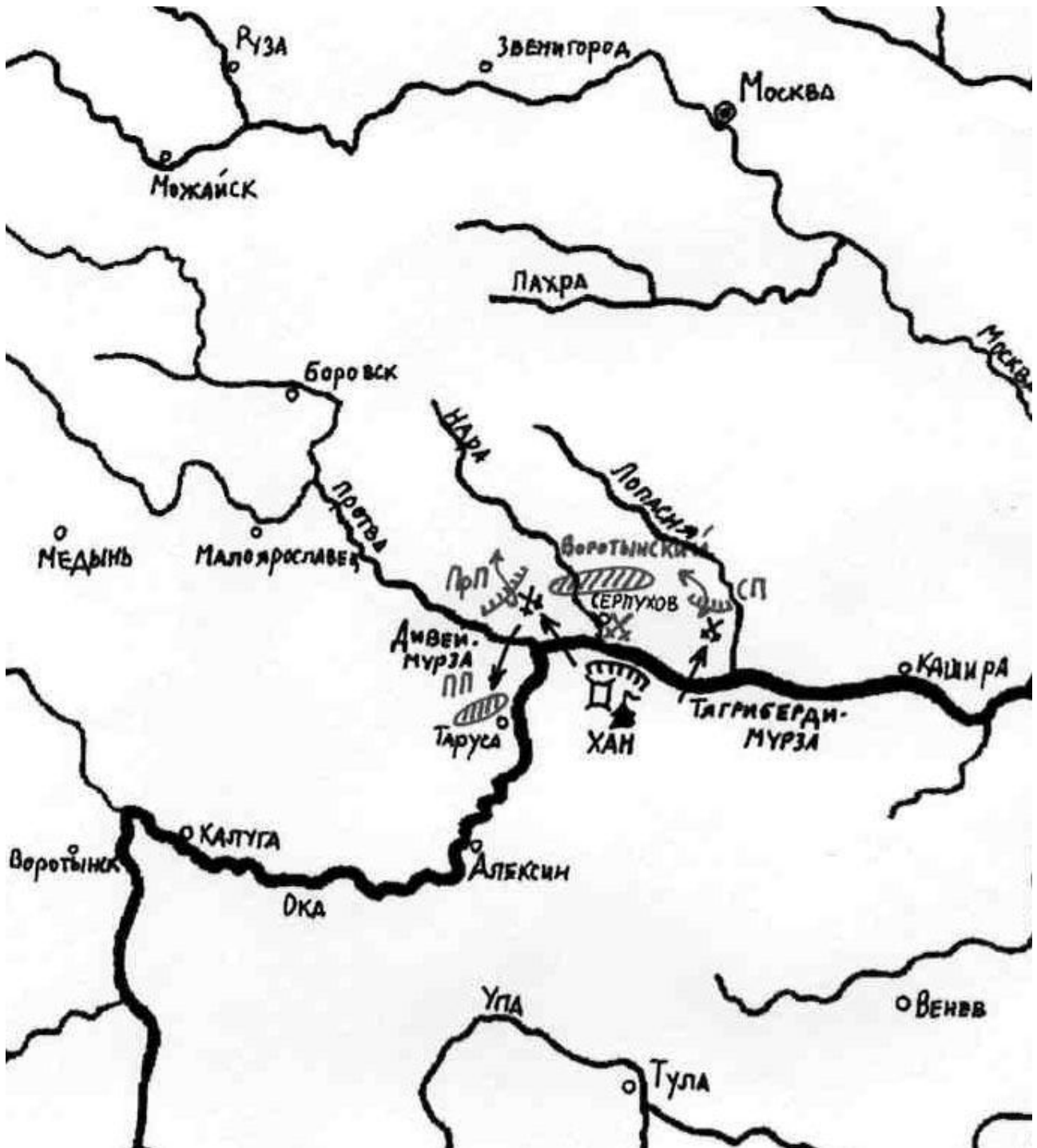
Убедившись в невозможности с ходу форсировать Оку, Девлет-Гирей и его главный полководец Дивей-мурза, изменили свой план действий. Они решили, связав боем главные русские силы, обойти серпуховскую позицию с флангов и, вынудив русских покинуть укрепления, переправиться через Оку, а затем заставить «неверных» принять бой в открытом поле, где преимущество татар в коннице позволяло хану рассчитывать на успех с бóльшими шансами. С этой целью часть татарского войска («полк» ширинских «князей» —?) во главе с Дивей-мурзой двинулась по правому берегу Оки вверх по течению, а ногаи под началом Тягриберди-мурзы — вниз. Сам же Девлет-Гирей приказал разбить на правом берегу Оки под Серпуховом лагерь, поставить вагенбург и подготовить позиции для своего «наряда» с тем, чтобы с утра воскресенья 27 июля попробовать прорвать оборону «неверных».

Одновременно Дивей-мурза начал форсирование Оки западнее Серпухова, у села Дракино. «И было дело в неделю правой руке, князю Миките Романовичю Одоевскому да Федору Шереметеву, а Федор побежал и саадак с себя скинул, а дело было князю Миките одному...»¹³⁶. Полк правой руки был вынужден отступить и воины Дивей-мурзы сумели «перелезть» через Оку¹³⁷. Очевидно, сразу после этого татарский военачальник бросил часть своих сил вверх по течению, стремясь связать боем передовой полк, стоявший к тому времени, надо полагать, где-то в районе Тарусы и нанес поражение его авангарду¹³⁸.

Таким образом, примерно к полудню 27 июля линия обороны русского войска по Оке была прорвана в двух местах сразу и главные силы русской армии, что стояли под Серпуховом, были обойдены неприятелем и с запада, и с востока. Между тем Воротынский не мог ни сразу начать отход, ни поддержать полки, подвергшиеся удару, так как Девлет-Гирей с утра 27 июля начал артиллерийский обстрел русских укрепленных позиций, связывая большой полк и полки правой и левой рук боем: «...Царь крымский в недилю в 27 день из-за Оки стрелять ис полков велел с наряду по полком по нашим, по

Положение сторон на 26 июля 1572 г.

Положение сторон на 27 июня 1572 г.

русским»¹³⁹. Русская артиллерия по приказу М.И. Воротынского открыла ответный огонь. Каноида на Оке под Серпуховом продолжалась, если верить «Повести о победе над крымскими татарами...», «...день весь до вечера и два

часа ночи»¹⁴⁰, то есть примерно с пяти часов утра и до десятого часу вечера. Все это время «большие» воеводы находились в напряжении, ожидая, что противник вот-вот начнет наступление главными силами и попытается прорваться к Москве здесь, под Серпуховом.

Между тем с запада, из-под Дракино, и с востока, с Сенькиного «перевоза», после полудня пришли неутешительные известия, что враг прорвался и сумел закрепиться на левом берегу Оки. Однако, судя по всему, М.И. Воротынский был готов и к такому варианту развития событий. Представляется, что он не стремился любой ценой удержать неприятеля на позициях по Оке, во всяком случае, в документах никак не отражены попытки русских полков сбросить татар обратно в реку и вернуть позиции по берегу. Видимо, главным для него было не дать противнику переправиться с ходу, сбить темп его наступления, нанести как можно большие потери и, что самое главное, выяснить точно, где же все-таки он будет наносить главный удар. Эти задачи в целом были выполнены, а полки удалось стянуть поближе к Серпухову. К тому же, как стало видно к вечеру, успех, достигнутый Дивей-мурзой и Тягриберди-мурзой, был не так уж и велик. Ногаи вообще не стали пытаться продвигаться дальше к Москве, да и Дивей-мурза тоже не продолжил развивать наступление в северо-восточном направлении, заходя в тыл полкам, стоявшим под Серпуховом. Да и входило ли это в их планы? Следовательно, можно с уверенностью предположить, что и сторожевой полк, и полк правой руки хотя и были вынуждены отойти от берега Оки, тем не менее, не были разбиты и отступили в полном порядке, контролируя каждый шаг противника. Одним словом, второй день битвы по очкам выиграли татары, но эта победа отнюдь не была нокаутом — повторить успех Мухаммед-Гирея под Коломной 51 год назад Девлет-Гирею не удалось¹⁴¹. Назавтра, в понедельник 28 июля 1572 г., предстоял новый, третий раунд сражения.

Хан, проанализировав ситуацию и убедившись, что в районе Серпухова переправиться не удастся — русская оборона здесь была слишком прочна, а

Воротынский, несмотря на угрозу с флангов, пока не собирался оставлять свои позиции, — решил снова изменить свой план. В ночь на понедельник 28 июля Девлет-Гирей с главными силами скорым маршем перешел на Сенькин «перевоз» и к утру переправился здесь на левый берег Оки¹⁴². Для того, чтобы как можно дольше держать Воротынского в неведении относительно своих планов, хан «на том месте (то есть на правом берегу Оки под Серпуховом. — В.П.) оставил тотар тысечи з две, а велел им противитца, покаместа он Оку реку перелезет...»¹⁴³. Видимо, здесь же были оставлены ханский кош, вагенбург и артиллерия — они только мешали бы стремительным действиям крымского «царя» и его войска, а заодно создавали видимость того, что главные силы татар по-прежнему стоят под Серпуховом.

Видимо, еще во время переправы главных сил татарского войска на левый берег Оки, Девлет-Гирей отдал приказ Тягриберди-мурзе и его ногайцам выдвинуться к северу и отрезать русское войско под Серпуховом от Москвы: «...в понедельник в 28 день пришел Теребердий мурза под Москву, отнял круг Москвы все дороги, а не воевал и не жег...»¹⁴⁴. Скорее всего, ногаи начали продвигаться на север рано утром, около пяти часов, и, двигаясь скорым маршем, во второй половине дня, преодолев порядка 70-80 км, вышли к Пахре, переправились через нее в районе нынешнего Подольска и рассыпались вокруг русской столицы, прервав сообщение с русским войском и южными городами. Спустя несколько часов после этого, когда завершилась переправа всей татарской армии, к Москве двинулся и сам хан.

Утром того же дня о переправе главных сил неприятеля на левый берег Оки узнали и в штабе русской рати¹⁴⁵. Дальше удерживать позиции на реке смысла не было, и Воротынский отдал приказ об общем отступлении к северу, к столице, вслед за ханом. Согласно Московскому летописцу, на военном совете Воротынский заявил воеводам, раскрывая суть своего замысла: «Так царю страшнее, что идем за ним в тыл, и он Москвы оберегаетца, а нас страшитца. А от века полки полков не уганяют; пришлет на нас царь посылку, и мы им

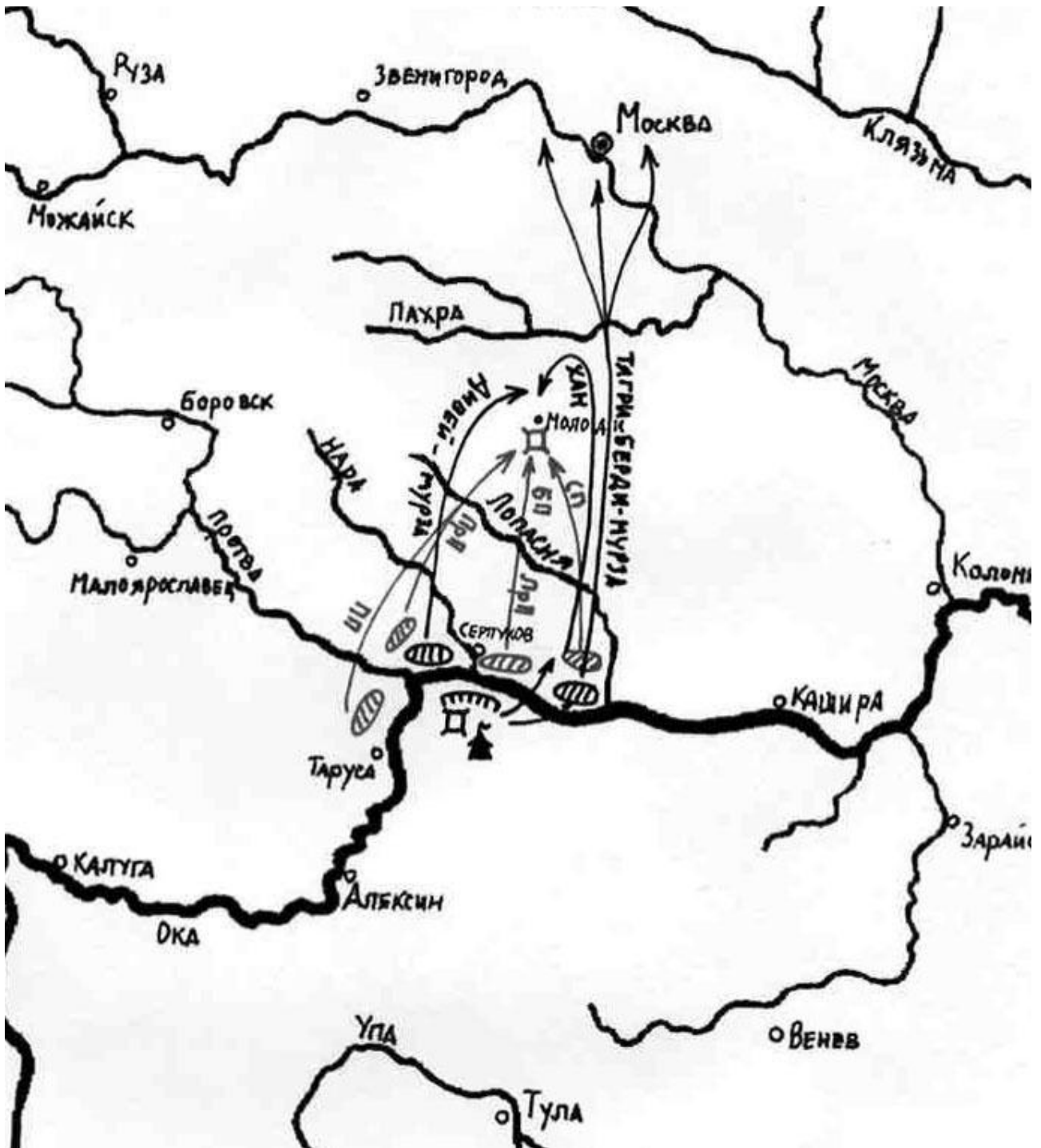
сильны будем, что остановимся; а пойдет всеми людьми, и полки их будут истомны, вскоре нас не столкнут, а мы станем в обозе безстрашно»¹⁴⁶. Пискаревский же летописец сообщает еще одну весьма интересную подробность этого отступления — воеводы «**пошли к Москве розными дорогами** (выделено нами. – В.П.) и с обозом и пришли за три часа до царева приходу и с обозом со всех дорог смотрением Божиим вдруг на Молоди, и обоз поставили, и ров выкопали»¹⁴⁷. Складывается впечатление, что позиция у Молодей была заранее осмотрена «большими» воеводами и они знали, куда и зачем ведут свои полки¹⁴⁸. В авангарде русского войска шел усиленный «немцами» Ю. Фаренсбаха передовой полк князей А.П. Хованского и Д.И. Хворостинина¹⁴⁹, перед которым Воротынский поставил задачу атаковать арьергард неприятеля и приостановить его продвижение навстречу ногаям Тягриберди¹⁵⁰.

Передовой полк отлично выполнил свою задачу, но примечательно, что в ряде источников о Хованском не сказано ни слова, а главным героем «потехи» представлен Д.И. Хворостинин¹⁵¹. Он «...пришел на крымской на сторожевой полк, да с ними учял дело делати с немцы и с стрельцы и со многими дворяны и з детьми боярскими и з боярскими людьми, да мчал крымской сторожевой полк до царева полку»¹⁵². Разрядная книги дополняет этот рассказ, указывая на место, где Хворостинин и его ратники догнали татар, разбили их и погнали к северу — «у Воскресенья на Молодех»¹⁵³. Узнав от беглецов о произошедшем (русские источники сообщают, что в ставку хана прискакали два его сына «и учяли говорити: «Ты, государь, идешь к Москве, а нас, государь, московские люди созади побили...»¹⁵⁴), хан отрядил на помощь своему «сторожевому полку» 12 тыс. ногаев и татар.¹⁵⁵ С подходом подкреплений перевес оказался на стороне неприятеля, и теперь уже Хованскому и Хворостинину пришлось, как показалось татарам, поспешно отходить. Однако они заблуждались — русские за много десятилетий противостояния прекрасно освоили тактические приемы татар и не раз с успехом использовали их против них. Так получилось и в этот

день. Пока ратники передового пола «мчали» татарский арьергард до расположения главных сил неприятеля, М.И. Воротынский «с товарищи» вышел к Молодям и, как уже было сказано выше, успел отдать необходимые приказания. На вершине холма, у подножия которого находилось само село и протекала речка Рожайка, был поставлен гуляй-город¹⁵⁶, вокруг которого выкопан ров, подготовлены позиции для наряда. Все было готово к встрече врага, и он не заставил себя долго ждать. Отступавшие конные сотни передового полка неожиданно для торжествующего неприятеля, подскакав к холму, уклонились вправо. «И в те поры из-за гуляя князь Михаило Воротынской велел стрельцем ис пищалей стреляти по татарским полком, – писал летописец, – а пушкарем из большово снаряду ис пушек стреляти. И на том бою многих безчисленно нагайских и крымских тотар побили...»¹⁵⁷.

Свинцовый ливень остудил воинственный пыл татар, и они отхлынули назад, к своим главным силам. Хан не рискнул и дальше двигаться к Москве, имея на хвосте всю русскую армию, остановился в «семи верстах» южнее Пахры «на болоте» и начал готовиться к решающему сражению¹⁵⁸. Третий раунд остался за русскими — Воротынский сумел навязать Девлет-Гирею сражение в том месте, где это было удобно ему и где русская рать могла реализовать свое техническое преимущество¹⁵⁹.

Московский летописец добавил к этому лапидарному и лаконичному описанию длившегося весь день «лучного боя» между отрядами татар и сотнями детей боярских, схваток отдельных наездников, несколько ярких деталей, характеризующих действия русских полков. По словам летописца, крымский «царь» «...послал на обоз всех людей. И со все стороны учили к обозу приступати. И полки учили, выходя из обозу, битися: большей полк, правая рука и передовой и сторожевой, которой же полк по чину. А левая рука держала обоз. И в тот день немалу сражению бывшу, ото обою падоша мнози, и вода кровию смесися...»¹⁶⁰. Таким образом, решительного боя в этот день не было — обе стороны выжидали, прощупывали намерения друг друга, ждали,

Боевые действия 28 июля 1572 г.

кто сделает первый шаг. И поскольку русские отнюдь не торопились покинуть свою укрепленную позицию, а татары не стремились штурмовать ее, памятуя об уроке, который им был преподан накануне, то к вечеру «...разыдошася

Ночью хан передвинул свой лагерь ближе к Молодям и встал «за пять верст» от русских позиций. Во вторник 29 июля, по сообщению «Повести...», «...наши плькы с крымскими людьми травилися, а съемного бою не было». польки во обоз, а татаровя в станы своя...»¹⁶¹. Очередной раунд закончился вничью, однако хан находился в худшем положении — Девлет-Гирей не мог ждать, и он должен был решать — или штурмовать русский лагерь, или же отступить несолоно хлебавши. Последний вариант его устроить никак не мог — после столь громогласных заявлений отойти просто так, не дав решительного, генерального сражения, хан не мог, что было чревато не только потерей лица, но и серьезными внутри- и внешнеполитическими осложнениями¹⁶².

Ночью в татарском лагере состоялся военный совет, на котором было принято решение попытаться штурмом взять русский лагерь. По сообщению летописца, «Дивей мурза с нагаи сказався царь похвально и рек: “Яз обоз русской возьму; и как ужаснутца и здрогнут, и мы их побием”...»¹⁶³. Воротынский предвидел этот шаг противника и, оставив внутри гуляй-города большой полк, очевидно вместе с пехотой остальных полков, вывел прочие силы за город. Можно предположить, что они встали на пологих южном и юго-восточном склонах холма. С утра среды 30 июля татары начали штурм гуляй-города. Видимо, отряды их всадников, стремительно подъезжая к русским позициям, засыпали защитников гуляй-города ливнем стрел, пытаясь нанести им как можно большие потери с тем, чтобы потом, нащупав слабое место, разомкнуть линию гуляй-городин и возов, ворваться в лагерь и в рукопашном бою перебить его защитников. Несколько последовательных атак, предпринятых Дивей-мурзой, не привели к видимому успеху, и тогда татарский полководец «поехал около обозу с невеликими людьми розсматривать, которые места плоше, и на то б место всеми людьми, потоптав, обоз разорвати»¹⁶⁴.

Мурзу в богатом доспехе, в окружении блестящей свиты, трудно было не заметить, и тогда Воротынский и Шереметев выслали из гуляй-города детей боярских большого полка с приказом атаковать противника. «И Дивей мурза

своих татар стал отводить. И скачет на аргамаке, – сообщал детали пленения татарского военачальника летописец, – и аргамак под ним сподкнулся, и он не усидел. И тут ево взяли и с аргамаком нарядна в доспехе»¹⁶⁵. Источники сохранили имя ратника, взявшего в плен Дивей-мурзу. Им оказался сын боярский из Суздаля Иван (Темир) Шибаетов сын Алалыкин¹⁶⁶.

Потеряв своего командующего, татары моментально смешались и «пошли от обозу прочь в станы». Оправившись от первого шока, вызванного пленением Дивей-мурзы, к вечеру татары снова попытались атаковать русский лагерь, но на этот раз, по сообщению летописца, «татарской напуск стал слабее прежнего, а русские люди поохрабрилися и, вылазя, билися и на том бою татар многих побили...»¹⁶⁷. Возможно, именно тогда, в вечернем бою был убит Тягриберди-мурза и попал в плен некий астраханский царевич (Хаз-Булат, названный Штаденом вместе с Дивей-мурзой?)¹⁶⁸. Надо полагать, хан в этот день сильно пожалел о том, что с ним не было наряда, оставленного в старом лагере за Окой — без артиллерии взломать гуляй-город и окопанный обоз оказалось чрезвычайно сложным и сопряженным с большими потерями делом.

Поражение, которое Девлет-Гирей и его воины потерпели в среду, было весьма серьезным — два дня татары приходили в себя, а русские получили передышку. В четверг и в пятницу, 31 июля и 1 августа, по сообщению разрядной книги, «...с крымскими людьми травились, а съемново бою не было»¹⁶⁹. Однако ситуация в русском лагере тоже складывалась чрезвычайно сложная. Запертые на ограниченном пространстве внутри обоза и гуляй-города, русские испытывали нехватку фуража, провианта и воды¹⁷⁰. Дивей-мурза на допросе заявил, по словам Штадена, что если бы вместо него взяли бы в плен самого Девлет-Гирея, то он легко бы освободил «царя» через 5-6 дней, дождавшись, пока русские ослабеют от голода¹⁷¹.

К счастью для русских воевод, Девлет-Гирей не стал дожидаться, пока русские окончательно изнемогут от голода и жажды. Он решил ускорить развязку событий. Что же заставило хана спешить в ситуации, когда еще

несколько дней, и противник будет вынужден или сдаться, или выйти из своего лагеря для последнего и решительного боя? Видимо, на это его решение повлиял целый ряд веских причин. С одной стороны, он не хотел оставлять в беде Дивей-мурзу, которого чрезвычайно высоко ценил. Не случайно астраханский царевич на допросе на вопрос о намерениях хана прямо заявил: «Яз де хотя и царевичь, а думы царева не ведаю, дума де царева ныне вся у вас, взяли вы Дивия мурзу, тот был всему промышленник...»¹⁷².

С другой стороны, к решительным действиям побуждала и обстановка в татарском войске. Судя по всему, рядовые татарские воины глухо роптали, сетуя на малую добычу и большие потери. Мурзы же открыто критиковали действия хана. Во всяком случае, Девлет-Гирей писал Ивану, объясняя причину своего отступления, что пришли де к нему ногаи и жаловались – «...пришли есмя из нагами пять месяц и нам лежать не прибыльно и лошадем истомно; молвя, все заплакали и нужю свою нам в ведоме учинив, заплакав, на ногу пали». Штаден к этому добавлял, что ногаи были недовольны неправильным, не по заслугам, как они считали, разделом добычи¹⁷³. Отметим также, что хан не мог не испытывать сильного беспокойства за судьбу своего коша, оставленного на правом берегу Оки под Серпуховым. Русские, занимая позиции между его лагерем и вагенбургом, препятствовали сообщению и могли атаковать кош, повторив свой успех 1555 г. и взяв богатые трофеи.

Наконец, последней соломинкой, что переломила хребет верблюду, стал захват татарскими разъездами гонца с грамотой, которую, согласно Пискаревскому летописцу, оставленный в Москве «для осады» князь Ю.И. Токмаков отправил в лагерь к Воротынскому. В этом послании князь просил воевод «сидеть безстрашно», поскольку идет де к ним на помощь «рать наугородцкая многая». Московский летописец к этому добавлял, что пленный под пыткой показал — «прибылым войском» командует сам Иван Грозный, а в авангарде его полков в Москву прибыл боярин И.Ф. Мстиславский с сорокатысячной ратью и что он сам был очевидцем прихода этого войска¹⁷⁴.

Хан и его советники пришли к выводу, что ждать больше невозможно и нужно действовать немедленно. Поэтому «... августа во 2 день в субботу царь крымской послал нагайских татар многих и крымских царевичей и многие пльки татарские пешие и конные к гуляю городу выбивати Дивия мурзу да и гуляй город велел взятии...»¹⁷⁵. Надо полагать, увидев, с какой яростью и упорством татары начали штурм русских позиций, М.И. Воротынский вздохнул с облегчением — Девлет-Гирей бросил своих воинов в решительное наступление, отказавшись от попытки взять русский лагерь измором¹⁷⁶.

Спешенные татарские воины с невиданной храбростью и упорством, невзирая на большие потери от огня стрельцов и казаков, осыпаемые ядрами и «дробом» из пушек и затинных пищалей, раз за разом ходили на приступ¹⁷⁷. Из-за их спин конные лучники осыпали защитников гуляй-города во главе с Д.И. Хворостининым ливнем стрел. Однако русские воины держались, отбивая неприятельские атаки. Летописи и разрядные книги лишь в слабой степени отражают накал схватки. Как писал неизвестный автор «Повести...», «и как татаровя пришли к гуляю городу и ималися руками за стену у гуляя города, – и наши стрельцы туто многих татар побили и рук бесчислено татарских отсекали...»¹⁷⁸.

Выждав момент, когда напор татар ослабел, М.И. Воротынский решил контратаковать неприятеля. По условленному сигналу русская артиллерия открыла массированный огонь по неприятельским боевым порядкам («из большово наряду ис пушек и изо всех пищалей»), гуляй-город раскрылся, и в схватку вступили дети боярские передового полка во главе с Д.И. Хворостининым и немцы ротмистра Ю. Фаренсбаха. Одновременно с этим сам Воротынский во главе сотен большого полка, совершив обходной маневр по «долу», атаковал противника с тыла¹⁷⁹, «... да учали с нагайцы и с крымцы дело делати съемное, и сеча была великая»¹⁸⁰.

Ошеломленный противник, оказавшись под одновременным ударом с тыла и с фронта, поначалу упорно сопротивлялся, однако недолго — слишком

велики были его потери и слишком неожиданным оказалось введение в бой свежих русских сил. Разгромленные татарские «полки» отхлынули обратно в свой лагерь, неся хану горестную весть о смерти и пленении множества военачальников и рядовых воинов¹⁸¹.

Поставив все на карту и потерпев неудачу, хан оказался в чрезвычайно сложном положении. Русские отнюдь не выглядели умирающими от голода и жажды, с севера, казалось, надвигалось большое царское войско, ханская же рать понесла большие потери, в особенности в командном составе. Не случайно русские источники подчеркивали, в бою 2 августа под стенами гуляй-города полегло немало татарских мурз. Между тем, как отмечал еще в начале века С. Герберштейн, именно от искусства военачальников среднего звена зависели успешные действия татарских отрядов¹⁸². Продолжение осады в этой ситуации могло легко превратить тяжелое поражение в подлинную катастрофу. Выход напрашивался сам собой — бросить все и спешно отступить обратно за Оку. Оставив арьергард из 3 тыс. «резвых людей» «травитися» с русскими воинами, в ночь на 3 августа хан поспешно, бросив лагерь и все, что в нем было, устремился на юг, за несколько часов достиг Оки под Серпуховом «да тое же ноци и Оку реку перевезеся...»¹⁸³. Еще 2 тыс. воинов были оставлены ханом «для бережения» на «перевозе» через реку, возможно, они охраняли оставленный на правом берегу Оки обоз еще с 28 июля¹⁸⁴.

О том, что хан бежал с поля битвы, в русском лагере узнали утром 3 августа¹⁸⁵. Воротынский немедленно вывел свою конницу из лагеря и атаковал татарский арьергард. После недолго сопротивления противник бежал к реке и по дороге был практически полностью перебит или пленен. На плечах отступающих русские всадники домчались до Оки и здесь опрокинули оставшихся в лагере татар — «наши воеводы тех татар с тысящу убили, а иные за Оку реку ушли...»¹⁸⁶. Дальше за Окой, в Поле, татар не преследовали — сил для этого уже не оставалось, да и полону с собой татары не вели, поскольку по дороге на Москву хан «войну не распускал», с одной стороны опасаясь, что как

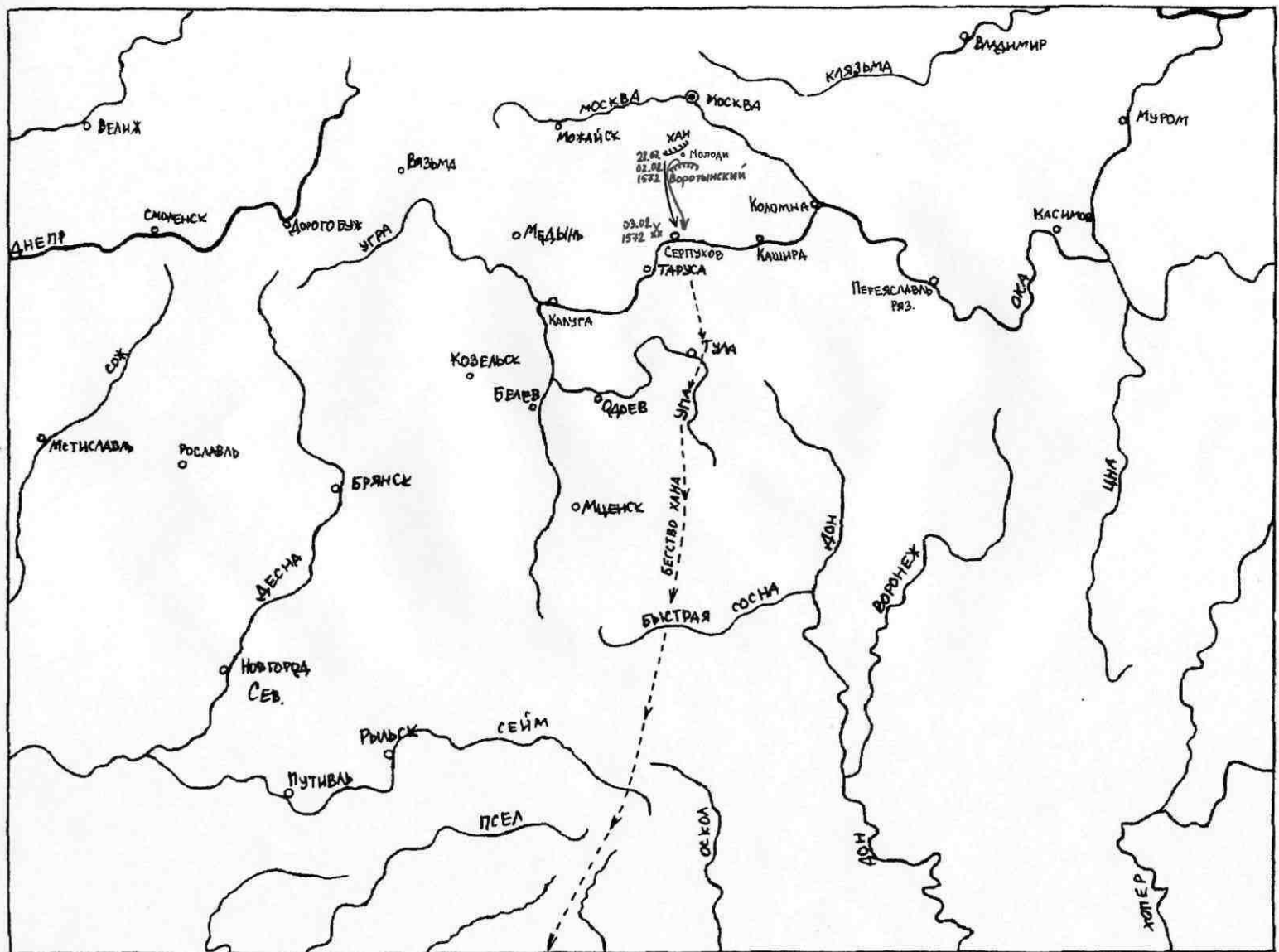
только он это сделает, разрозненные отряды татарских загонщиков будут побиты русскими. С другой стороны сам Девлет-Гирей писал Ивану Грозному, что он для лагеря искал места, «где б сел и животины много» — очевидно, что в и без того опустошенном в предыдущем году ближнем Подмосковье много полону и скота набрать было просто негде¹⁸⁷. На обратном же пути было уже не до охоты за живым товаром и скотом — дай Бог унести ноги подобру-поздорову. Как писал А. Лызлов, хан и его войско «Оку реку преиде и с великим срамом невозвратно побежа во Орду, ни ко единому граду приближающихся»¹⁸⁸.

Захватив ханский лагерь и богатые трофеи, «... бояря и воеводы, князь Михайло Иванович Воротынской с товарищи пошли назад по старым местом в Серпухов, в Торусу, в Колугу, на Коломну, где стояли до государева приходу»¹⁸⁹. В тот же день от посланцев Воротынского о грандиозной победе стало известно в Москве, «и бысть на Москве и по всем градом радость неизреченная, молебная пения з звоном. И с радостию друг со другом ликующе»¹⁹⁰.

Находившийся в Новгороде Иван Грозный узнал о победе 6 августа, когда с «берега» с сеунчем от воевод прискакали гонцы¹⁹¹. Царь приказал немедленно доставить их к нему. Сеунщики, князь Д.А. Ногтев и А.Г. Давыдов, передали Ивану грамоту от Воротынского и его товарищей об одержанной над крымским «царем» великой победе и представили доказательства этому — ханские два саадака, два лука и две сабли¹⁹². В Новгороде немедленно начались торжества — до полуночи звонили колокола, в церквях и монастырях начались молебны. На следующий день к Ивану прибыл новый гонец с более подробными новостями о победе, «...и государь воевод жаловал добре». Как известно из разрядной книги, «...государь прислал к бояром и воеводам з золотыми Офонасья Олександрова сына Нагово...»¹⁹³. 9 августа в Новгород доставили пленного Дивей-мурзу. Теперь уже окончательно стало ясно, что гроза над Русской землей миновала. 11 августа по приказу царя наряд, находившийся в

лодьях в готовности к немедленной отправке во Псков, был выгружен обратно на берег — эвакуация отменялась¹⁹⁴. 17 августа Иван покинул Новгород и отъехал к Москве¹⁹⁵. 30 августа 1572 г. в Москву из Новгорода была отправлена государственная казна — опасность миновала¹⁹⁶.

Под самый занавес Молодинской эпопеи произошли еще два события, как бы подводивших итог этому тяжелому и полному тревог году. В конце августа, Девлет-Гирей прислал Ивану Грозному своего гонца Шигая (Шах-Али) с грамотами от себя и своих сыновей Мухаммед-Гирея, Адыл-Гирея и Саадет-Гирея. В своем послании хан, пытаясь сохранить лицо после сокрушительного поражения, писал русскому царю, что он де всего лишь хотел при личной встрече получить, наконец, ответ — даст Иван ему, крымскому «царю», Астрахань или же нет: «Хотенье мое было: с тобою на вьстрече став, слова не оставив, переговорити... И ныне по прежнему нашему слову, меж нами добро и дружба быв, Казань и Асторохань дашь, – другу твоему друг буду, а недругу твоему недруг буду; от детей и до внучат межь нами в любви, быв роту и шерть учинив, нам поверишь»¹⁹⁷. В том, что под Москвой произошло многодневное кровопролитное сражение, Девлет-Гирей обвинял самого Ивана, который де уклонился от встречи и послал воспрепятствовать благим намерениям хана своего воеводу Воротынского, ну и некоторые горячие татарские богатыри, видя, что за ними идет московское войско, «серца своего не уняв, на серцо свое надеясь», вступили с ними в бой¹⁹⁸. Обещая русскому самодержцу свою дружбу и союз в обмен на Астрахань и Казань, Девлет-Гирей угрожал, что если де Иван откажется, то тогда ему не останется иного выхода, как «с недругом твоим, с королем (видимо, хан еще не знал того, о чем был осведомлен царь, о смерти Сигизмунда II. — В.П.), в дружбе быв, и зиму, и лето на тебя учну ходити,..., однолично мы о тех городех до смерти своей тягаться нам того у вас» потому как если два этих мусульманских юрта «...не возмем, — и нам то грешно: в книгах у нас так написано: для веры однолично голову свою положим»¹⁹⁹.

Завершение кампании 1572 г.

Однако попытки хана приуменьшить размеры поражения, представить окончившееся для него сокрушительным разгромом многодневное побоище лишь незначительной схваткой, никак не влиявшей на расстановку сил, сложившуюся после московского пожара 1571 г., не имели успеха. Ханский гонец встретил в Москве весьма холодный прием. «До указа» его держали в Боровске, а затем 4 сентября Иван принял его в подмосковном селе Лучинском «на крестьянском дворе» (sic - !), причем Иван даже не спросил, как это было принято дипломатическим протоколом, о здоровье «брата своего» крымского

«царя», а привезенные грамоты велел предать дьяку А. Щелкалову. Хан, очевидно, понимал, что его прежние требования будут отклонены в Москве. Поэтому он дал Шигаю инструкции пойти в случае необходимости на уступки — у московского государя де земли много, и почему бы Ивану не дать ему всего лишь два города, тем более что он, Девлет-Гирей, сделал даже больше, чем его прадед Мухаммед-Гирей 51 год тому назад («яз де деда своего и прадеда ныне делал лутчи»)? В конце концов, если уж Иван не желает отдавать оба города, то хотя бы пусть одну Астрахань вернет, «...для того, что ему (Девлет-Гирею — В.П.) соромно от брата своего от турецкого, что он с царем и великим князем воюетца, а ни Казани, ни Астрахани не возьмет и ничего не учинит...»²⁰⁰. Вот тогда-то Иван Васильевич, категорически отказываясь уступить хану, произнес свои знаменитые слова о четырех татарских саблях, что будут сечь Русскую землю. И он был прав — Большие ногаи, убедившись в том, что Девлет-Гирею не удалось одолеть Ивана, поспешили отложиться от неудачливого крымского «царя» и начали искать милости московского государя. Сам же Девлет-Гирей до самой своей смерти, наступившей летом 1577 г., не пытался больше ходить на Москву. И хотя его преемник, Мухаммед-Гирей II, продолжал настаивать на передаче Крыму Астрахани, тем не менее, ни он, ни его брат Ислам-Гирей II, правивший после него, не пытались предпринимать крупномасштабных военных экспедиций против Русского государства. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что поражение при Молодях привело к обострению борьбы за власть между наследниками Девлет-Гирея и стоявшими за ними аристократическими кланами.

Разгром Девлет-Гирея и наступившие в это же время бескоролье в Речи Посполитой позволили Ивану Грозному сосредоточиться на решении ливонской проблемы. Еще 11 августа царь отписал грозное послание шведскому королю, в котором напомнил, что раз тот не прислал к нему в Новгород к Троицыну дню свое посольство, то грядущей зимой, раз уж королю «земли своей и людей» не жаль, он увидит, как Иван и его люди «учнут у него

миру просить»²⁰¹. И действительно, поздней осенью «...тово же году государь царь и великий князь ходил в вотчину свою в Великий Новгород, а из Новагорода Великово пошел зимою для своево дела и земсково на ливонские немцы, а взяли тем походом город Пайду»²⁰². Хотя Иван не стал развивать успех дальше из-за рано наступившей весны²⁰³, этот поход стал прологом к знаменитому Ливонскому походу 1577 г.

Несколько слов о судьбе главных героев кампании 1572 г. — воевод и ратников «берегового» разряда и «украинных» городов, одолевших в смертельной схватке сильного и опасного врага. По приезду в Москву Иван Грозный чествовал своих воевод и «воинников», разбивших Девлет-Гирея. Так, на наш взгляд, можно трактовать сообщение Московского летописца о том, что «как государь пришел к Москве, и бояр и воевод князя Михаила Ивановича Воротынского с таварыщи по достоянию почтил»²⁰⁴. К этому времени, надо полагать, дьяки и подьячие «походного шатра» Воротынского закончили работу над составлением «послужных списков» детей боярских и отправили их в Разрядный приказ. В этих списках была отмечена вся служба конкретного сына боярского во время кампании — кто «государю служил, бился явственно», кто «убил мужика» и каким оружием, кто «поимал языка», был ранен и так далее. На основании этих списков, как отмечал О.А. Курбатов, служилые люди могли рассчитывать на награды, прежде всего на прибавку к земельному и денежному окладу²⁰⁵. Об этих списках и писал Г. Штаден, когда сообщал, что по итогам кампании «...всем русским князьям и боярам, получившим пули, порубленным или израненным врагом на теле спереди, имения были увеличены или улучшены; тем же, кто был поражен сзади, имения сокращали и надолго суждено им было оставаться в опале...»²⁰⁶.

Тогда же, во второй половине августа 1572 г., была распущена по домам на отдых большая часть «береговой» рати и составлена новая, на три полка, роспись воевод на «берегу»: «А после царевичева приходу были воеводы по полком: в большом полку был князь Ондрей Хованской, Иван Морозов да из

Донкова князь Юрьи Курлятев. В передовом полку князь Ондрей Палецкой. В сторожевом полку князь Михайло Лыков да Василей Колычов»²⁰⁷. Фактически, кампания была завершена — татарам было нанесено такое поражение, что ожидать их нового нападения в завершающемся году не стоило, да и мелкие отряды тоже вряд ли попытались бы «пошарпать» русскую «украину» в поисках добычи.

По-разному сложилась судьба воевод, возглавлявших русское войско в эти жаркие летние дни. Князь М.И. Воротынский поначалу был щедро пожалован Иваном Грозным. Царь не только полностью снял с него опалу и сделал фактически главой Боярской думы, как писал Р.Г. Скрынников, «выше него в думе «сидел» один князь И.Ф. Мстилавский. Но этот последний признал себя виновником сожжения Москвы, из-за чего лишился всякой популярности и авторитета в стране...»²⁰⁸. Более того, в конце 1572 г. Иван пожаловал Воротынскому часть его вотчин (Перемышль), отобранных ранее²⁰⁹. В апреле 1573 г. Воротынский снова был назначен командующим «береговым» разрядом, возглавив большой полк, который встал в Серпухове²¹⁰. Казалось, худшие времена для князя миновали. Однако на самом пике славы над Воротынским внезапно снова сгустились тучи. Как сообщает разрядная книга, как только в Разрядном приказе был составлен «береговой» разряд на весну-лето 1573 г., так первый воевода сторожевого полка князь В.Ю. Булгаков-Голицын «...бил челом государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси ... на боярина и воеводу на князь Михаила Ивановича Воротынсково. И на той службе Голицын с Воротынским месничался и списков дворян и детей боярских за князь Михаилом Воротынским не имал, а сказал, что ему, князь Василью, на той службе князь Михайла Воротынсково меньше быть невмесно...»²¹¹.

Требование Голицына дать ему «щот и суд» внешне выглядело абсурдным. Ведь по давнему приговору 1550 г. первый воевода большого полка был безусловно выше первого воеводы сторожевого полка²¹². Послужной список и

статус Голицына, ставшего боярином только в 1576/1577 г.²¹³, также не давали ему шансов на успех в этом деле, равно как и родовитость — Голицыны очевидного преимущества в «чести» перед Воротынскими не имели. Неожиданно Иван Васильевич удовлетворил челобитье князя: «И государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии боярина своего и воеводу князь Василья Юрьевича Голицына пожаловал, велел послать к нему невмесную грамоту, что ему князю Василью Голицыну со князь Михаилом Воротынским быть без мест в сем розряде»²¹⁴.

Вне всякого сомнения, челобитная Голицына появилась не на пустом месте. Видимо, в конце зимы — начале весны 1573 г. Иван Грозный по неизвестным причинам утратил доверие к Воротынскому²¹⁵. Охлаждение царя к своему лучшему полководцу к моменту составления «берегового» разряда стало настолько очевидным, что В.Ю. Голицын решил воспользоваться этим обстоятельством. Правда, ему пришлось ждать почти три месяца, пока Иван не вынес свое решение удовлетворить его челобитную²¹⁶. О том, что происходило в течение этих месяцев — можно только догадываться. Ясен только исход — согласно лаконичному свидетельству разрядной книги, «...тово же году положил государь опалу свою» на Воротынского, «взял» его «з берегу» и «казнил смертию»²¹⁷.

Тогда же опале подверглись два других воеводы «берегового» разряда 1573 г. — князь Н.И. Одоевский, вместе с Воротынским сражавшийся летом 1572 г. при Молодях, и престарелый воевода М.Я. Морозов, причем последний даже не успел прибыть на место службы, как был арестован. Все они также были казнены²¹⁸. Поплатился головой и второй воевода сторожевого полка В.И. Умного Колычев. Правда, случилось это позднее, вероятно, летом 1575 г., и смерть его связана была, судя по всему, с падением царского фаворита окольничего Б.Д. Тулупова и восхождением новой «звезды» в окружении Ивана Грозного — Бориса Годунова²¹⁹.

Не обошел стороной гнев Ивана и другого героя Молодинской битвы — воеводу Д.И. Хворостинина. Осенью 1573 г. была составлена роспись войска, которое должно было отправиться походом на бунтовавшую «казанскую черемису, луговую и нагорную». Однако еще до того, как рать выступила на подавление мятежа, «государь тогда опалу свою положил на князь Дмитрея да на князь Федора Хворастининых на обеих, и велел им быть к себе»²²⁰. Опала, правда, длилась недолго — уже весной следующего года Дмитрий Хворостинин получил назначение вторым воеводой сторожевого полка, что встал на «берегу», в Коломне²²¹. Но эта должность, если так можно выразиться, стала для воеводы традиционной практически до конца 1570-х гг. Пока Хворостинин был в опрочнине, он мог не опасаться местничества со стороны более родовитых воевод, но как только опрочнина была отменена, на успешной карьере князя был поставлен крест. Ни несомненный талант военачальника, ни храбрость и энергичность — ничто не могло переломить традицию и Хворостинину приходилось довольствоваться второстепенными командными постами что на берегу, что в Ливонии²²².

Единственный раз он получил самостоятельное командование в кампанию 1578 г., и то воеводе пришлось вернуться в Москву. Посылая в Ливонию новое войско, Иван назначил Хворостинина первым воеводой сторожевого полка. Однако второй воевода полка, князь М.В. Тюфякин, «списков не взял за ним, за князем Дмитреем, что ему с ним быти невмесно меньше князя Дмитрея. И писано ко князю Михаилу, чтоб он был по новой росписи в большом полку в третьих, а князю Дмитрею велено ехати к Москве»²²³. Бог миловал Хворостинина — после его отъезда оставшиеся воеводы рати разместничались, и в итоге осадившее ливонский город Кесь (Венден) русское войско так и не смогло овладеть им. Атакованное соединенными польско-шведскими силами, оно потерпело сокрушительное поражение. Среди взятых в плен оказался и брат Дмитрия Хворостинина Петр²²⁴, карьера которого после памятной битвы 1572 г. складывалась довольно успешно для молодого и относительно

неродовитого воеводы. Домой Петр Хворостинин вернулся, по всей видимости, уже после завершения Ливонской войны. Его старший брат под занавес этой войны сумел несколько раз отличиться и в условиях, когда командный корпус русского войска понес большие потери, начал постепенно продвигаться «наверх». В начале 1582 г. он наконец-то, после долгого перерыва, был назначен первым воеводой передового полка рати, ходившей походом против шведов «в Свиску землю, за Неву реку»²²⁵. В «деле» со шведами под деревней Лялицы передовой полк отличился, «немецких людей побил и многих языков поимал», за что среди прочих воевод рати Д.И. Хворостинин получил наградной золотой²²⁶. С этого момента карьера заслуженного воеводы начала постепенно идти в гору и при Федоре Иоанновиче он считался одним из опытнейших русских полководцев.

Бывший начальник Хворостинина по передовому полку, князь А.П. Хованский, сумел избежать царского гнева и в последующие годы был и полковым воеводой, и наместником, пока не умер в 1577/1578 г., будучи воеводой в Кукеносе²²⁷.

Два брата Шереметева, Иван Меньшой и Федор, тоже благополучно миновали политические бури начала 1570-х гг., при том, что Федор Шереметев не самым лучшим образом показал себя в кампании 1572 г., а в ходе следствия 1574 г. бежавшие из Крыма русские пленники показали, что братья изменяли своему государю и переписывались с Девлет-Гиреем²²⁸. Иван Грозный лишь пригрозил братьям опалой: «...а што на Шереметевых гнев держати, ино ведь есть его (Ивана Большого Шереметева, укывшегося от царского гнева в монастыре. — В.П.) братья в миру, и мне есть над кем опала своя положить»²²⁹. Иван Меньшой Шереметев был убит зимой 1577 г. под Ревелем²³⁰, а его брат снова «отличился» под Кесью-Венденом осенью 1578 г., бежав с поля боя также, как и в 1572 г.²³¹ Трусость, проявленная окольниковым, который, видимо, характером пошел не в своих старших братьев, тем не менее и на этот раз сошла ему с рук. Но от судьбы не уйдешь. «Стратагему» с бегством он

попытался повторить и годом позже, когда крепость Сокол, одним из воевод которой он был, была осаждена войском короля Речи Посполитой Стефана Батория. Не дожидаясь, пока неприятель возьмет Сокол штурмом, Шереметев попытался бежать с небольшим отрядом верных ему людей, или, попросту говоря, дезертировал. Однако далеко ему уйти не удалось. Как сообщал польский историк Р. Гейденштейн, по дороге на Псков «встретился с воеводой Брацлавским Иваном Збаражским, с этой стороны наблюдавшим за неприятелем и попался живым в руки неприятелей вместе с бывшими с ним всадниками»²³².

Но воевода родился, судя по всему, под счастливой звездой. И на этот раз ему все сошло с рук. Вернувшись из плена, он не только не перестал быть членом Боярской думы, в которой пребывал с осени 1576 г., но и получил назначение наместником в Кострому, благополучно пережил Ивана Грозного²³³.

Иначе проявил себя князь И.П. Шуйский. После Молодей начинается его быстрое восхождение на верх русской военной пирамиды. В походе на Пайду он — первый воевода сторожевого полка, а затем назначен наместником во Пскове²³⁴. В 1576/1577 г. Шуйский получил чин боярина²³⁵. К тому времени он, видимо, находился в милости у Ивана Грозного — во всяком случае, в разряде «похода государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и сына ево государева царевича князя Ивана Ивановича Московских на свое дело и на земское» от апреля 1576 г. на «берег», Шуйский значится «з государем», да и впоследствии он был возле Ивана, занимая хорошие воеводские должности²³⁶. О прочном положении Ивана Шуйского в армейской иерархии и при дворе свидетельствует тот факт, что в 1579 г. с ним попытался безуспешно местничать князь В.Ю. Голицын, одолевший шестью годами раньше Воротынского²³⁷.

Но не этим прославился И.П. Шуйский. Занимая в течение нескольких лет пост псковского наместника, он сумел прекрасно подготовить город к обороне

и отстоял его от армии Стефана Батория, который осаждал Псков с конца августа 1581 г. по февраль 1582 г. Героическая оборона псковского гарнизона, руководимого И.П. Шуйским, сорвала планы польского короля успешно завершить войну с Россией и ускорила завершение затянувшегося через всякой меры конфликта. Славная оборона Пскова стала высшей точкой его военной карьеры.

Осталось сказать несколько слов о судьбе последнего из тех десяти воевод, что водили полки на татар жарким летом 1572 г. — о князе Андрее Васильевиче Репнине. После молодинской кампании он воеводствовал на «берегу», ходил в Ливонию в 1577 г., а до этого сидел воеводой в Пернове. Максимум, чего Репнин достиг — так это поста первого воеводы передового полка в «береговой» рати в кампанию 1577 г.²³⁸ Прошло несколько месяцев, и назначенный вторым воеводой сторожевого полка рати, посланной на Кесь зимой 1578 г., князь к месту службы так и не приехал. Разрядная книга лаконично сообщала, что «князь Ондрей Репнин по той росписи с воеводами не был за болезнью; тогда ево и не стало»²³⁹.

Вот так — не прошло и десяти лет после того, как хан и его войско под покровом ночи «со срамом» бежали в Крым, а из десяти воевод в живых осталось только четверо. Трое воевод стали жертвой придворных интриг, двое умерли от болезней и один пал на поле боя. Летом 1577 г. скончался главный противник М.И. Воротынского и его товарищей — крымский хан Девлет-Гирей. Несколько раньше умер в русском плену и Дивей-мурза, которого Иван Грозный категорически отказывался отпускать на волю на любых условиях²⁴⁰. В наступившем десятилетии продолжать противостояние в Поле предстояло новым людям.

Знатный русский всадник, сер. XVI в.

Рис. А.В. Красникова.

Русский всадник, сер. XVI в.

Рис. А.В. Красникова.

Русский всадник в тегиле, сер. XVI в.

Рис. А.В. Красникова.

Боярский послужилец, сер. XVI в.

Рис. А.В. Красникова.

Стрелец, сер. XVI в.

Рис. А.В. Красникова.

Казак, сер. XVI в.

Рис. А.В. Красникова.

---

¹ Общую характеристику содержания и классификацию разрядных книг см.: Буганов В.И. Обзор разрядных книг последней четверти XV — начала XVII в. // Проблемы источниковедения (далее — ПИ). — М., 1958. — Вып. VI. — С. 152—219. См. также: Буганов В.И. Сокращенная редакция разрядных книг 1559—1605 годов // Археографический ежегодник (далее — АЕ) за 1957 г. — М., 1958. — С. 88—101; Разрядная книга (далее — РК) 1559—1606. — М., 1974. С. 3—4. Предложенная им классификация была поддержана позднее О.В. Новохатко и Н.М. Рогожиным, см.: Разрядная книга 1475—1605. — М., 2003. — Т. IV. Ч. II. — С. 7. См. также: Альшиц Д.Н. Разрядная книга московских государей XVI в. (Официальный текст) // ПИ. — М., 1958. — Вып. VI. — С. 130—151. Несколько иной точки зрения на происхождение и соотношение разрядных книг различных редакций придерживается Ю.В. Анхимюк. По его мнению, в XVI — начале XVII вв. бытовали только лишь «государевы разряды», носившие официальный характер, и составлявшиеся на их основе с привлечением различных иных материалов частные разрядные книги. Эти частные разрядные книги носили ярко выраженный компилятивный характер и различались лишь полнотой и объемом содержащихся в них сведений. См.: Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. — М., 2005. — С. 413—416, 418—419. Его точку зрения поддержал К.В. Петров (Петров К.В. Разрядные книги древней традиции. К изданию исследования Ю.В. Анхимюка // Очерки феодальной России. — СПб., 2007. — Вып. 11. — С. 470—473, 481). Поскольку исследование и анализ текстов разрядных книг не входит в цель нашей работы, мы сочли необходимым ограничиться указанием на основные точки зрения относительно происхождения и соотношения различных разновидностей разрядных книг, существующие на сегодняшний день.

² См. разряды 7080/1572 гг. в: Древняя Российская вивлиофика (далее — ДРВ). Изд. 2. — М., 1790. — Ч. XIII. — С. 425—434; РК 1559—1605. — С. 84—87; РК

1475—1598. — С. 242—247; Синбирский сборник. Часть историческая. — М., 1844. — Т. I. — С. 32—35. Источниковедческую характеристику «молодинских» разрядов см.: Анхимюк Ю.В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV — начало XVII веков. — С. 175—177.

³ В этом отношении показателен «Государев разряд» 1598 г., в котором сказано буквально следующее: «И того лета крымской царь и царевичи приходили к Серпухову, и было ему дело на Молодах у Воскресения з государевыми воеводами, и с тех мест и назад пошел» (РК 1475—1598. — С. 247). И это все!

⁴ РК 1475—1605. — М., 1982. — Т. II. Ч. II. — С. 302—317.

⁵ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодах // Исторический архив (далее — ИА). — 1959. — № 4. — С. 177—178. Эта роспись включает в себя голов только земских «городов», тогда служилые корпорации опричных земель в списке никак не отражены.

⁶ Середонин С.М. Наказ кн. М.И. Воротынскому и роспись полкам 1572 года // Записки Императорского Русского Археологического общества. 1895. Кн. 1. Труды отделения русской и славянской археологии. — Т. VIII. Вып. 1 и 2. Новая серия. — СПб., 1896. — С. 49—62.

⁷ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодах. — С. 166—183. Помимо этих трех документов, В.И. Буганов опубликовал также еще и разрядные записи, относящиеся к кампании 1572 г. (позднее они были повторены как часть разрядной книги 1475—1605 гг.), а также весьма интересную грамоту Девлет-Гирея I Ивану IV, которая была послана в августе 1572 г. и содержала ряд ценных сведений, детализирующих общую картину как кампании в целом, так и самого сражения в частности. Надо сказать, что Г.Д. Бурдей в своей статье, посвященной сражению при Молодах, отмечал, что и В.И. Буганов также допустил некоторые досадные оплошности при подготовке к изданию этих документов (Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 года // Из истории межславян-

---

ских культурных связей. — М., 1963. (Ученые записки Института славяноведения. Т. XXVI). — С. 57).

⁸ См., напр., счетное дело В.Н. Пушкина с А.О. Плещеевым 1627 г. (Счетное дело Василья Никитина Пушкина с Ондреем Осиповичем Плещеевым // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских (далее — ВМОИДР). — М., 1852. — Кн. 14: Материалы. — С. 87—88).

⁹ Под этим названием, которое, судя по всему, было дано произведению в конце XVIII — нач. XIX в., «Повесть» была известна Н.М. Карамзину, который использовал ее при описании событий 1572 г. Последнюю публикацию «Повести» см.: Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году // АЕ за 1961 г. — М., 1962. — С. 259—275.

¹⁰ Там же. — С. 259—261, 262.

¹¹ Архангелогородский летописец // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — Л., 1982. — Т. 37. — С. 103; Соловецкий летописец второй половины XVI в. / Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // ИА. — М.; Л., 1951. — Т. VII. — С. 225—226. См. также: Мазуринский летописец // ПСРЛ. — М., 1968. — Т. 31. — С. 132—133.

¹² Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. — М., 1981. — С. 237—238; Московский летописец // ПСРЛ. — М., 1978. — Т. 34. — С. 224—225; Пискаревский летописец // Там же. — С. 192.

¹³ Новгородские летописи. — СПб., 1879. — С. 110, 113, 118—119.

¹⁴ Записки Штадена, впервые вышедшие в СССР отдельным изданием в 1925 г. в переводе И.И. Полосина, неоднократно впоследствии переиздавалась, в предпоследний раз в Рязани в 2005 г.: Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578-1582). Шлихтинг А. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. — Рязань, 2005. В 2008 г. в московском издательстве «Древлехранилище» вышел в свет первый том нового издания записок Штадена, включающий в себя как старый, так и новый переводы сочине-

---

ний опричника на русский язык, а также параллельный их немецкий текст (Штаден Г. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. 1. Публикация), который и был использован нами.

¹⁵ См., напр., письмо кардинала Коммендоне, папского легата в Речи Посполитой, епископу Комо: Акты исторические, относящиеся к России. — СПб., 1841. — Т. I. Выписки из Ватиканского тайного архива и из других римских библиотек и архивов, с 1075 по 1584 год. — С. 228.

¹⁶ Курбский А.М. История Иоанна Грозного // Устрялов Н.Г. Сказания князя Курбского. — СПб., 1868. — С. 86—87.

¹⁷ Лызлов А. Скифская история. — М., 1990. — С. 147—150.

¹⁸ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. — СПб., 1789. — Т. V. Часть 2. — С. 305—313.

¹⁹ См., напр.: Карамзин Н.М. История государства Российского. — М., 1989. — Кн. III. Т. IX. — Стб. 117—120; Примечания. — Стб. 82—85.

²⁰ Иловайский Д.И. История России. — М., 1890. — Т. III. Московско-царский период. Первая половина или XVI век. — С. 279; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 6 // Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. — М., 1989. — Кн. III. — С. 590; Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — М., 1990. — Кн. I. Вып. 2. — С. 494.

²¹ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. — М., 2005. — Т. I. — С. 321—327.

²² См., напр.: Королюк В.Д. Ливонская война. — М., 1954. — С. 81—82; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М.; Л., 1948. — С. 28; Платонов С.Ф. Иван Грозный. Виппер Р.Ю. Иван Грозный. — М., 1998. — С. 75—76, 93—94, 166—170, 175—177; Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.—Л., 1950. С. 38—39 и др.

---

²³ Нами было использовано последнее издание этой работы: Зимин А.А. Опричнина. — М., 2001. — С. 278—284.

²⁴ См., напр.: Скрынников Р.Г. Царство террора. — СПб., 1992. — С. 445—452. См. также: Скрынников Р.Г. Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. — Смоленск, 1996. — Т. II. — С. 169—176. Ср.: Мадарьяга И. де. Иван Грозный. — М., 2007. — С. 376—378; Россия и степной мир Евразии. — СПб., 2006. — С. 280—282; Флоря Б.Н. Иван Грозный. — М., 2003. — С. 280—283.

²⁵ Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 года; Волков В.А. Войны и войска Московского государства. — М., 2004. — С. 153—157; Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. — М., 2009. — С. 21—24, 43, 182—190; Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — Воронеж, 1991. — С. 169—175; Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI — начале XVII в. — М., 2008. — С. 41, 49; Каргалов В.В. Московские воеводы XVI — XVII вв. — М., 2002. — С. 48—53 и некоторые др. Можно вспомнить также и имеющую ярко выраженный описательный характер книгу А.Р. Андреева о Молодинской битве, большая часть которой представляет собой компиляцию отрывков из исторических сочинений и источников без глубокого анализа и комментариев (Андреев А.Р. Неизвестное Бородино. Молодинская битва 1572 года. Документальная хроника XVI века. — М., 1997).

²⁶ См.: Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 145, 147; Милюков П.Н. Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). — М., 1901. — С. 250—251, 258, 266—268; РК 1559—1605. — С. 22, 30, 43—45; РК 1475—1598. — С. 211, 223—224; РК 1475—1605. — М., 1981. — Т. II. Ч. I. — С. 169—170, 205—208.

²⁷ Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — С. 23. Отметим, что, по нашему мнению, исследователь

все же несколько переоценил масштабность и серьезность намерений татар. Вряд ли Девлет-Гирей, отказавшись от заключения союза с Москвой, с самого начала ставил перед собой цель сокрушения Русского государства и его подчинения своей воле. На первых порах крымцы прощупывали прочность русской обороны и успех 1571 г. для самого Девлет-Гирея в какой-то степени оказался неожиданным. Поход, начинавшийся как обычный набег за ясырем, завершился сожжением русской столицы и опустошением ее окрестностей. Для немедленного развития успеха у хана не оказалось сил, а повторить его в будущем году он уже не смог — Иван Грозный и его правительство сумели использовать полученную передышку с максимальной пользой. Русский царь оказался в состоянии выдержать тяжелейший удар, не сломался психологически, и татарский блицкриг потерпел в конечном итоге неудачу.

²⁸ Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII вв. — М., 1990. — С. 57. По мнению А.А. Зимина, речь шла о созыве Боярской думы с приглашением членов Освященного собора и бывших при царе дворовых детей боярских и княжат (Зимин А.А. Опричнина. — С. 271).

²⁹ Антонов А.В. Поручные записи 1527—1571 годов // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 64—79.

³⁰ Новгородские летописи. — С. 109. История с «изменой» И.Ф. Мстиславского, как справедливо отмечал А.А. Зимин, более чем странная, см.: Зимин А.А. Опричнина. — С. 277—278. И за много меньшие провинности бояре и князья по воле Ивана IV лишались головы, а здесь обвиняемый признался в том, что «навел» татар на Москву, но вместо того, чтобы казнить изобличенного изменника царь всего лишь «сослал» боярина в Новгород, куда он вскоре сам перебрался, переживая новую татарскую угрозу. И как тут не согласиться с мнением Б.Н. Флори, который писал, что «...никакой «измены» Мстиславский не совершал, а его покаяние было услугой, оказанной царю. Подданные тем самым могли убедиться, что тяжелые несчастья, постигшие страну, произошли по вине

одного из первых лиц государства, но не самого царя...» (Флоря Б.Н. Иван Грозный. — С. 268). Так или иначе, но в преддверии новой кампании русское войско лишилось одного из опытнейших полководцев, военная карьера которого началась еще в 1547 г.

³¹ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 282—283. Подчеркнем еще раз — если хана сразу после московского пожара 1571 г. «проводил» только один полк, следовательно, остальные были небоеспособны. Однако не прошло и нескольких недель, как на «берегу» уже стоял «малый» разряд. Таким образом, реорганизация войска после поражения прошла достаточно быстро, а сами размеры этого поражения представляются преувеличенными.

³² Акты Московского государства, изданные Императорской Академией Наук. — СПб., 1890. — Т. I. Разрядный приказ. Московский стол. 1571—1634. — С. 15—17.

³³ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 291.

³⁴ Там же. — С. 291—293. Примечательно, что сам поход, судя по всему, имел большой размах — кроме государева полка, в нем участвовали также передовой, сторожевой и ертаульный полки вместе с нарядом, служилые татары, черемисы и мордва. Состав войска был смешанным — в одном и том же полку командовали и опричные, и земские воеводы. Так, первым воеводой передового полка был опричный воевода князь П.Т. Шейдяков, а вторым воеводой того же полка был князь М.И. Воротынский, в сторожевом полку первым воеводой был князь И.Ф. Мстиславский, а вторым — опричник князь Н.Р. Одоевский (Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. — М., 2008. — С. 56, 95).

³⁵ Иван ограничился посылкой небольшого войска (3 полка) во главе с «царем» Саин-Булатом Бекбулатовичем на Выборг (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 293—294), которые беспрепятственно пограбили и опустошили приграничные шведские земли (Первое послание шведскому королю Иоганну III (1572) // Послания Ивана Грозного. — СПб., 2005. — С. 145).

---

³⁶ Там же. — С. 293. См. также: Аделунг Ф. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). — 1863. — Кн.1. Материалы иностранные. — С. 158—160. Таким образом, Ивану Грозному удалось до некоторой степени сгладить эффект от неудачной осады Ревеля, предпринятой незадолго до этого его «голдовником» Магнусом при поддержке царских войск.

³⁷ Новгородские летописи. — С. 104, 111.

³⁸ Там же. — С. 108—109.

³⁹ С иронией царь заявил татарскому гонцу, что крымский «царь» «...не надеялся бы, что землю нашу воевал; сабля сечет временем, а если станет часто сечь, то притупеет, а иногда и острие у нее изломается». В ответ же на просьбу хана выслать ему 2000 руб. на подарки своим «царевичам» и дочерям с плохо скрываемой издевкой отписал, что «...ты (т.е. Девлет-Гирей. — В.П.) в грамоте своей писал к нам (сразу после сожжения Москвы. — В.П.), что в твоих глазах казны и богатства праху уподобились, и нам вопреки твоей грамоте как можно посылать такие великие запросы? Что у нас случилось, двести рублей, то мы и послали к тебе...» (Цит по.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. — Т. 6. — С. 589).

⁴⁰ См., напр.: Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 года. — С. 49—50.

⁴¹ Это о них писал Штаден: «...Ворота построены из бревен в виде башен, снаружи покрыты дерном и землей; между воротами проложен вал в три сажени шириной. Снаружи пред валом рва нет...» (Штаден Г. Записки о Московии. — С. 289). Ср. описание внешних московских укреплений у А. Поссевино: Поссевино. А. Исторические сочинения о России XVI в. — М., 1983. — С. 44—45.

⁴² РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 282.

⁴³ Штаден Г. Записки о Московии. — С. 195. Судя по тому, что в наказе М.И. Воротынского в качестве крайних точек, между которыми ожидалось вторжение татар, были названы Калуга и Коломна (Буганов В.И. Документы о сраже-

---

нии при Молодях. — С. 171), то можно предположить, что пресловутый частокол строился по левому берегу Оки между этими городами.

⁴⁴ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 170, 181.

⁴⁵ «А делать по Оке и по Угре тутошними людми сохами, которые сохи с обе стороны реки пришли, а в ыных местех и полковыми людми делать всеми, где что пригоже зделать, по тому промышлять и делать» (Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 170). По мнению П. Симсона, автора истории Серпухова, следы этих укреплений, в виде тройного ряда заостренных вверху свай, были видны на берегах Оки под Серпуховом еще в начале XIX в. (Симсон П. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историю. — М., 1880. — С. 100).

⁴⁶ Как писал Девлет-Гирей, «...кто есть для нас делал на берегу двор и ров, и ... есте маялися **месяцы три или четыре** (выделено нами. — В.П.)...» (Там же. С. 182). Если хан пришел к «берегу» в конце июля, то работы по его укреплению начались никак не позднее середины апреля, когда сошло половодье. В конце XIX — нач. XX в. Ока между Калугой и Коломной вскрывалась в первых числах апреля нового стиля, см.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. — СПб., 1899. — Т. 1. Московская промышленная область и Верхнее Поволжье. — С. 42. С учетом разницы между юлианским и григорианским календарями для XVI в., составлявшей 10 дней, в 1572 г. ледоход на Оке должен был начаться около 25 марта. Ответственность за рекогносцировку «берега», выбор мест для оборудования позиций и их возведение возлагалась на воевод «береговой» рати: «А по Оке реке вверх и вниз розъездити бояром князю Михаилу Ивановичю, с которым воеводою пригоже, и Ивану Васильевичю (Михаил Иванович — князь М.И. Воротынский, первый воевода большого полка, Иван Васильевич — И.В. Меньшой Шереметев, второй воевода большого полка — В.П.) по тому же, перемнялся. А в ыные места из полков бояр и воевод отпущати боярину князю

Михаилу Ивановичю, по тому же переменяся, чтоб изо одного полку двум воеводам вдруг не ездити. А ездити Окою вниз и до Резани, а вверх и до Жиздры, до засеки (той самой, что должны были обновить и усилить князь П. Волконский и Е. Ржевский — В.П.), и Жиздрою до коих мест надобе...» (Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 170).

⁴⁷ См.: Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI века. Опыт исторического исследования. — СПб., 1888. — С. 462—463, 534.

⁴⁸ См., напр.: Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // ИЗ. 1941. — Вып. 10. — С. 92.

⁴⁹ О «меженине» см., напр., показания перебежчиков и пленников Девлет-Гирею в 1571 г. у В.П. Загоровского (Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 162—165; ср.: Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 453—454). В летописях записи о море и «меженине» датируются 7076—7079 гг. (Анхимюк Ю. В. Записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания — новый источник по истории опричнины // Архив русской истории. — 1992. — Вып. 2. — С. 128—129; Летописчик Игнатия Зайцева / Зимин А.А. Краткие летописцы XV-XVI вв. // ИА. — М.; Л., 1950. — Т. V. — С. 21—22; Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 236—237; Летописные заметки за 7030—7137 (1522—1629) года // ЧОИДР. — 1896. — Кн. 4. IV. Смесь. — С. 1).

⁵⁰ Кобрин В.Б. Новая царская грамота 1571 г. о борьбе с чумой // Труды Отдела древнерусской литературы. — М.; Л., 1958. — Т. XIV. — С. 267; Пискаревский летописец. — С. 192; Псковская 3-я летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. V. Вып. 2. — С. 249; РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 283—284; Скрынников Р.Г. Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // Вопросы истории. — 1999. — № 1. — С. 140.

---

⁵¹ Об этом перемирии см., напр.: Новодворский В. Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою (1570—1582). Историко-критическое исследование. — СПб., 1904. — С. 1—7. О ходе переговоров и ратификации перемирия см.: Бантыш-Каменский Н.Н. Переписка между Россиею и Польшею по 1700 год. — М., 1862. — Ч. 1. 1487—1584. — С. 133—135; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. III (1560—1571) // Сборник Императорского русского исторического общества. — СПб., 1892. — Вып. 71. — С. 616—762.

⁵² Первое послание шведском королю Иоганну III (1572). — С. 145.

⁵³ Нижегородский летописец. — Нижний Новгород, 1886. — С. 35. Хотя в летописце это событие и датируется 7082/1574 г., однако, учитывая неточность его хронологии, можно с уверенностью отнести отмеченный факт набега казанских татар на Нижний Новгород к 1571—1572 г. См., также: Штаден Г. Записки о Московии. — С. 211.

⁵⁴ Новгородские летописи. — С. 110. Здесь же сохранилось и интересное свидетельство о наборе посохи для нужд наряда: «... на Волхов на берег провадили к судну на лодии казаки Навгороцкые, своих дворов с улицы; а давали казаком на день по пяти денег и по два алтына везти было тот наряд в Псков...» (Там же. — С. 118).

⁵⁵ Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 года. — С. 58.

⁵⁶ Иван Грозный прибыл в Новгород 1 июня 1572 г. (Новгородские летописи. — С. 114). Кстати, В.П. Загоровский, анализируя обстановку накануне вторжения татар, писал в своей ставшей классической работе, что на Оке в преддверии нашествия были сосредоточены «...практически все русские военные силы» (Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 171). Однако историк при этом почему-то забыл о мощной армии, что была сосредоточена весной 1572 г. в Новгороде и о которой пойдет речь ниже.

---

⁵⁷ «...В большом полку быть государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси, а с ним сын его государев царевичь князь Иван Иванович, да за государем в полку царевичь Михайло Кайбулович. Дворовые воеводы князь Федор Михайлович Трубецкой да Малюта Лукьянов сын Скуратов. В передовом полку воеводы князь Петр Тутаевич Шейдяков, да князь Василей Юрьевич Голицын, да Замятня Иванович Сабуров; да в передовом же полку Иль Мурза Исупов. В сторожевом полку бояре и воеводы князь Иван Федорович Мстисловской, да Михайло Яковлевич Морозов, да воевода Иван Дмитриевич Плещеев Колотка; да в сторожевом же полку царь Будадей...» (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 302—305).

⁵⁸ Там же. — С. 305.

⁵⁹ Новгородские летописи. — С. 113. В Ливонском походе 1577/1578 гг. участвовало 5190 «земских» стрельцов (РК 1475—1605. — М., 1982. — Т. II. Ч. III. — С. 463).

⁶⁰ Во время сильной бури 2 июля 1572 г. на Ильмень-озере погибло 80 казаков «ис Копорья города, а иные ис Полотска» (Там же. — С. 116). В упоминавшемся Ливонском походе в состав царского войска вошло 1440 казаков (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. III. — С. 463).

⁶¹ Новгородские летописи. — С. 339. Для сравнения, в Ливонском походе 1577/1578 г. участвовало 1280 стрельцов «государева двора и дворовых городов» (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. III. — С. 462).

⁶² РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 295. На то, что Саин-Булату было приказано находится в Новгороде до вторичного приезда Ивана, обращал внимание еще В.В. Вельяминов-Зернов (Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. — СПб., 1864. — Ч. 2. — С. 12).

⁶³ В Ливонском походе в рядах русской рати сражались 4227 «тотар и мордвы и ... свияжских, и чебоксарских, и кокшайских людей» (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. III. — С. 464). Для сравнения, в полоцком походе 1562/1563 гг. участвовало

6349 «тотар, и мордвы и черемисов» (Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 126—129).

⁶⁴ И снова сошлемся на данные по Ливонскому походу. Государев полк насчитывал 1400 детей боярских «розных городов», очевидно, выборных, передовой полк — почти 1000, а сторожевой — немногим менее 800, всего в сумме 3200 детей боярских. При наряде было под началом трех воевод почти 500 «детей боярских и охотников, и псарей, и сокольников, и кречетников, и ястребников» (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. III. — С. 449, 459—461). В полоцком походе численность аналогичных полков составляла соответственно порядка 5000, 1900 и порядка 1900, а при наряде — несколько более 1400 детей боярских (Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года. — С. 125, 127—128). Однако Ливонский поход 1577/1578 гг., по нашему мнению, больше подходит в качестве аналога «свийского» похода 1572 г., чем полоцкий.

⁶⁵ Наряд под началом двух воевод был в составе рати, собравшейся в конце 1571 г. в Новгороде. Логично было бы предположить, что тяжелую артиллерию не стали вывозить из города на случай скорого возобновления военных действий. И действительно, есть прямое указание на то, что наряд был в Новгороде летом 1572 г. (Новгородские летописи. — С. 118).

⁶⁶ Представляется, что поскольку в новом «свийском» походе принимали участие скорее всего выборные дети боярские (по аналогии с ливонским походом), то можно предположить, что число послужильцев соотносилось с количеством детей боярских как 2 к 1. Так, сын боярский Севрюк Клавшов в своем донесении об обстоятельствах похода Девлет-Гирея на Москву в 1571 г. сообщал, что «изменник государский» Кудеяр Тишенков, который вывел татар на Москву, «прибежал» к хану с пятью другими детьми боярскими, а с ними было 10 «человек их людей» (Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 165). «Обидные» же

списки полоцкого воеводы кн. А.И. Ногтева-Суздальского, датируемые началом того же десятилетия показывают, например, что у четырех детей боярских дорогобужан литовские «воры» убили четверых их людей, а еще столько же взяли полон, у двух других детей боярских взяли троих их людей, у одного сына боярского убили человека, другого ограбили, а двоих взяли в полон, у второго сына боярского взяли двух его людей (Памятники истории Восточной Европы. — М.; Варшава, 1998. — Т. III. — С. 28).

⁶⁷ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 170.

⁶⁸ Там же. — С. 171.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же. — С. 171-172.

⁷² Там же. — С. 170.

⁷³ Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 172.

⁷⁴ В большой полк «з Дедилова воевода князь Ондрей Дмитриевич Палецкой, из Донкова князь Юрьи Курлятев», в полк правой руки «с Орла воевода Василей Колычов», в передовой полк — «из Новосили воевода князь Михайло князь Юрьев сын Лыков» (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 309).

⁷⁵ Там же. — С. 170.

⁷⁶ Там же. — С. 178.

⁷⁷ Там же. — С. 169.

⁷⁸ «И тово же лета смотр был у государя ево государевым людям на Коломне апреля в ... день бояром и дворяном и детем боярским дворовым и городовым конской и их даточным людям, хто что дал государю в полк людей. И после смотру, собрався с людьми бояром и воеводам, велел государь итти и стоять на берегу по местом ...» (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 308—309). По нашему мнению, это произошло во второй половине апреля 1572 г. Государев смотр,

---

когда Иван Грозный лично проинспектировал свои полки на «берегу», состоялся скорее всего после Пасхи, которая в 1572 г. пришлась на 6 апреля, то есть не раньше 9—10 апреля, но и не позднее 24 апреля, так как уже 28 апреля Иван был в Москве, где состоялся церковный собор, в повестку дня которого входил и вопрос о четвертом браке царя.

⁷⁹ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 169. Ср.: «Роспись воеводам по полком на Коломне: в большом полку бояре и воеводы князь Михайло Иванович Воротынской да Иван Васильевич Шереметев. В правой руке боярин и воевода князь Микита Романович Одоевской да воевода Федор Васильевич Шереметев. В передовом полку князь Ондрей Петрович Хованской да околничей и воевода князь Дмитрий Иванович Хворостинин. В сторожевом полку воевода князь Иван Петрович Шуйской да околничей Василей Иванович Умногo-Колычов. В левой руке воеводы князь Ондрей Васильевич Репнин да князь Петр Иванович Хворостинин. А, собрався с людьми, воеводам стояти по берегу: большому полку в Серпухове, правой руке в Торусе, передовому полку в Колуге, сторожевому полку на Кошире, левой руке на Лопасне» (РК 1475—1598. — С. 246—247. См., также: РК 1559—1605. — С. 85).

⁸⁰ «В большом же полку воеводы у наряду князь Семен князь Иванов сын Коркодинов да князь Захарей Сугорской; у города у гуляя были они же...» (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 308).

⁸¹ Мархоцкий Н. История Московской войны. — М., 2000. — С. 52. Ср. с описанием «гуляй-города», сделанным И. Тимофеевым (Временник Ивана Тимофеева. — СПб., 2004. — С. 37—38) и Дж. Флетчером (Флетчер Дж. О государстве русском. — С. 84).

⁸² Здесь проходила одна из важнейших дорог Московского государства — Серпуховская (Веселовский С.Б. Подмосковье в древности. Три очерка. — М., 2002. — С. 29).

⁸³ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 177.

---

⁸⁴ Предположение о том, что русская армия насчитывала около 20 тыс. ратных людей, было сделано еще в 1895 г. С.М. Середониным, а в 1959 г. его повторил В.И. Буганов (Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 167; Середонин С.М. Наказ кн. М.И. Воротынскому и роспись полкам 1572 года. — С. 51—52). Отметим, правда, что В.И. Буганов тем не менее в скобках оговорил, что 20 тыс. — это число ратных людей без казаков М. Черкашенина и выставляемых детьми боярскими послужильцев, но на эту его оговорку, судя по всему, внимание мало кто обратил. Мнение авторитетных исследователей было некритически воспринято многими историками. См., напр.: Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. — С. 21, 184; Каргалов В.В. Московские воеводы XVI — XVII вв. — С. 48.

⁸⁵ Зимин А.А. Опричнина. — С. 282; Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 447; Загорский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 173. Приводя цифру в 73 тыс. ратных людей, А.А. Зимин имел виду сведения, что привел автор т.н. «Московского летописца»: «...государевых людей было во всех полках земских и опришлиных дворян и детей боярских по смотру и с людьми 50 000, литвы, немец, черкас каневских 1000, казаков донских, волских, яицких, путимьских 5000, стрельцов 12 000, поморских городов ратных людей, пермишь, вятчен, коряковцов и иных 5000...» (ПСРЛ. — Т. 34. — С. 224). Эту цифру привел также и В.А. Волков (Волков В.А. Войны и войска Московского государства. — С. 154). Касаясь источников «Московского летописца», В. И. Буганов, исследовавший его текст, отмечал, что среди материалов, на которые опирался анонимный автор этого текста, были официальные документы, в т.ч. и разрядные книги (Буганов В.И., Корецкий В.И. Малоизвестный московский летописец XVII века из музейного собрания ГБЛ // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. — М., 1971. — Вып. 32. — С. 129). Между тем известно, что официальные разрядные книги в 1-й пол. XVII в. содержали в себе

подробнейшие сведения о численности вооруженных сил Российского государства, см., напр.: Разряд 7136 г. // Книги разрядные по официальным оних спискам. — СПб., 1855. — Т. 2. — Стб. 3—100). Вряд ли дьяки Разрядного приказа при Михаиле Федоровиче стали «изобретать велосипед» и вводить новшества в практику ведения разрядных записей. Поэтому, по нашему мнению, перед нами пересказанный составителем летописи некий сметный список 70-х гг. XVI в., подобный, например, сметному списку 7139 г., в котором отражены данные обо всем русском войске того времени. См.: Сметный список 139 году // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. — М., 1849. — Кн. 4. И, по большому счету, серьезных преувеличений общей численности всего русского войска в данных летописца нет.

⁸⁶ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 168.

⁸⁷ Там же. С. 170.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ «Которые воеводы по украинам которым быти по розписи на сходе з бояры и воеводами, и боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичю Воротынскому по всем украинам розослати, чтоб по тому же, поймав памяти и розписав по головам детей боярских и **боярских людей** (выделено нами — В.П.), да тот бы список прислати к боярину и воеводе ко князю Михаилу Ивановичю с товарищи заранее, а у себя противень оставити, чтоб боярину князю Михаилу Ивановичю с товарищи было в ведомо заранее всех украин люди по смотру. А как люди сойдутца, и боярину и воеводе князю Михаилу Ивановичю Воротынскому с товарищи, приговоря день да вышед в котором месте пригоже, да в тот день во всех полках и по всем украинам пересмотрити людей на конех в доспесех...» (Там же. — С. 170—171).

⁹¹ Тех самых даточных, о которых в наказе было сказано: «...Имати с бояр и со князей и з детей боярских людей с пищальми с пятьсот чети человека с пища-

---

лю, с тысячи чети дву человек с пищальми. Да, поймав, тех людей с пищальми **розписать по головам особно, опроче** (выделено нами — В.П.) детей боярских» (Там же. — С. 170).

⁹² Там же. — С. 168.

⁹³ «...А, собрався, ити и стать по берегу по своим местом: большому полку в Серпухове, правой руке в Торусе, передовому полку в Колуге, сторожевому полку на Кошире, левой руке на Лопасне. А наряд с Коломны и из Серпухова походной полковой взять с собою...» (Там же. — С. 170).

⁹⁴ «Затинных шеснатцать пищалей меденых, да семьдесят четыре пищали железных. Да ...на берегу реки Коломенки у ямского двора на посаде дворы сторожевские города гуляя...» (Города России XVI века. Материалы писцовых описаний. — М., 2002. — С. 3, 34).

⁹⁵ Роспись русского войска, посланного против самозванца в 1604 г. // Станиславский А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI – XVII веков. — М., 2004. — С. 366—420.

⁹⁶ См., напр.: Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. — СПб., 1992. — С. 23—24, 67.

⁹⁷ Судя по предварительной росписи, в походе должны были принять участие дети боярские от 52 служилых «городов», почему-то только 4 новгородских пятин — в тексте нет Обонежской пятины, между тем в разрядных записях содержится указание на то, что на «берег» была послана вся «новгороцкая сила» (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 310). Может, в документе была допущена описка. К такому выводу можно прийти, если принять во внимание следующие обстоятельства. Во-первых, Бежецкая пятина упоминается в росписи дважды: в составе полка правой руки — 450 детей боярских под началом воеводы Н.Р. Одоевского и 400 — под началом воеводы Ф.В. Шереметева (Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 175). При этом число выставленных ею служилых людей более чем в два раза превышает число «воинников», что

ходили от этой пятины с Иваном Васильевичем под Полоцк девятью годами раньше. Представляется невероятным, чтобы меньше чем за десятилетие численность служилого «города» могла более чем удвоиться, и потому логичным было бы предположить, что подьячий Разрядного приказа ошибся, составляя документ, и вместо одной из Бежецких пятин нужно читать «Обонежская». Кроме того, в росписи названы служилые люди и от 9 «украинных» «городов». Т.о., в общей сложности в документе перечислены 65 служилых корпораций, не считая митрополичих и епископских детей боярских, что превышает число корпораций, принявших участие в Полоцком походе, когда были задействованы 57 служилых корпораций.

⁹⁸ Все это наводит на мысль, что тезис Д.Н. Альшица, поддержанный В.А. Колобковым, о том, что, перемешивая опричных и земских воевод, Иван тем самым ставил последних под контроль первых, выглядит сомнительным (Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. — Л., 1988. — С. 197; Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. — М., 2004. — С. 445). Обосновывая его, В.А. Колобков, во-первых, в качестве примера привел местнический спор между опричником князем Н.Р. Одоевским и земцем князем И.П. Шуйским, подчеркнув, что, не дав хода этому делу, царь тем самым продемонстрировал свое нежелание изменять установленный порядок руководства полками. Во-вторых, историк писал, что полки передовой, левой руки и сторожевой «были сформированы таким образом, чтобы опричники получили назначения вторых воевод». Между тем стоит заметить, что указанный исследователем местнический спор не был единственным. Тот же Одоевский попытался местничать с Воротынским, а земец князь А.В. Репнин «бил челом» на опричника князя А.П. Хованского, однако ни в том, ни в другом случае никаких шагов со стороны царя предпринято не было. Как отмечал Ю.М. Эскин, местнические споры «...расцветали преимущественно тогда, когда не было нужды в скорых и решительных действиях, иначе конфликты оперативно пре-

---

секались...» (Эскин Ю.М. *Опричнина и местничество // Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в средние века.* — М., 2008. — С. 350). Он же дает и анализ местнических споров 1572 г. между земцами и опричниками как пример такого оперативного пресечения конфликтов (Там же. — С. 352—354). См., также: Эскин Ю.М. *Очерки истории местничества в России XVI – XVII вв.* — М., 2009. — С. 200. Складывается впечатление, что полковая роспись на кампанию 1572 г. была объявлена без мест. Во всяком случае, об этом говорил позднее И.П. Шуйский, см.: *Дело боярина князя Василия Юрьевича Голицына с боярином князем Иваном Петровичем Шуйским // Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских (далее — РИС).* — М., 1838. — Т. II. — С. 21. К тому же и не во всех полках, как было сказано выше, опричники занимали посты вторых воевод. Поэтому мы не согласны с выдвинутым предположением о «комиссарстве» опричных воевод при земских.

⁹⁹ Зимин А.А. *Опричнина.* — С. 280. Соглашаясь по сути с этим тезисом, отметим, что, как будет показано ниже, судя по данным разрядных книг, уже в ходе зимнего похода 1571/1572 гг. на «свийских немцев» это размежевание явно размывается.

¹⁰⁰ Баранов К.В. *Записная книга Полоцкого похода 1562/1563 года.* — С. 123.

¹⁰¹ Об «отпуске» говорил во время местнического дела с князем И.П. Шуйский (*Дело боярина князя Василия Юрьевича Голицына с боярином князем Иваном Петровичем Шуйским // РИС.* — Т. II. — С. 21). Эта церемония состоялась в с. Братошино, по нашему мнению, 16 марта 1572 г., в четвертую «неделю» Великого поста. В таком случае и Иван Грозный мог, не торопясь, добраться из Братошино в Александрову слободу и встретить там английского посланника Э. Дженкинсона 23 марта (см.: Толстой Ю. *Россия и Англия 1553—1593. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553—1593.* — СПб., 1875. —

С. 134), и воеводы успевали прибыть в назначенные им места к тому же дню на «берег».

¹⁰² АМГ. — Т. I. — С. 3—4.

¹⁰³ Наказ М.И. Воротынскому содержит интереснейшие сведения о нормах выдачи провианта и фуража, что действовали в русском войске 2-й пол. XVI в. См.: Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 173.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 192. Эти сведения как будто перекликаются с теми данными о намерениях хана, что сообщал Г. Штаден. Немецкий авантюрист писал, что в намерения хана входило не только пленение Ивана Грозного, но и подчинение всей Русской земли его власти и назначение в ней своих наместников: «все города и области в Русской земле были уже описаны и поделены между мурзами крымского царя». В другом месте он добавлял, что хан желал «увести с собою в Крым великого князя вместе с его двумя сыновьями, отобрать у него казну...» (Штаден Г. Записки о Московии. — С. 199, 329).

¹⁰⁵ ПСРЛ. — Т. 34. — С. 224.

¹⁰⁶ См., например: Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 года; Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 169—170; Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 447. Более осторожен в своих выводах А.А. Зимин, который, описывая «далеко идущие планы» Девлет-Гирея, добавлял слово «вероятно» (Зимин А.А. Опричнина. — С. 282).

¹⁰⁷ Флоря Б.Н. Иван Грозный. — С. 280—281.

¹⁰⁸ Там же. — С. 280. От себя мы добавим — и полагаться на какую-либо серьезную помощь со стороны Порты Девлет-Гирей также не мог, ибо Турция в это время, как уже было отмечено выше, ввязалась в серьезную и напряженную войну в Средиземноморье. Поэтому мнение И.Б. Грекова, полагавшего, что «...реставрация Астраханского и Казанского ханств должна была стать лишь началом осуществления широких замыслов противников России. Поэтому вряд

ли может быть принята существующая в исторической науке точка зрения, рассматривающая астраханскую экспедицию Селима (турецкого султана Селима II, сына Сулеймана I. — П.В.) как изолированную от Крыма военное мероприятие Турции, а крымские походы 1570-1572 гг. как кампании, осуществлявшиеся в интересах только Крыма, и вопреки воле турецкого султана...», и что по существу речь должна идти о своего рода «разделении труда» между Селимом и Девлет-Гиреем, представляется более чем спорным. См.: Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV — XVI вв. — М., 1984. — С. 266—267.

¹⁰⁹ А. Лызлов сообщал о 7 тыс. янычар, полученных Девлет-Гиреем от султана (Лызлов А. Скифская история. — С. 146). Однако и такое число представляется чрезмерно завышенным, поскольку в 1574 г. по спискам в составе корпуса капыкулу числилось 13599 янычар (Murphey R. Ottoman Warfare 1500-1700. — New Brunswick, 1999. — P. 45). Да и, собственно говоря, зачем хану нужны турецкие янычары, когда у него были его собственные?

¹¹⁰ См.: Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 года. — С. 51.

¹¹¹ См.: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — С. 25.

¹¹² См., например: Зенченко М.Ю. Южное российское порубежье в конце XVI — начале XVII в. — С. 47; Каргалов В.В. Московские воеводы XVI — XVII в. — С. 48; Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 447 (правда, автор включал в это число только крымских татар, без ногаев). Московский посол в Стамбул И.П. Новосильцев сообщал, что в астраханском походе 1569 г. приняли участие во главе с самим Девлет-Гиреем трое его сыновей и 50 тыс. крымских татар (Статейный список И.П. Новосильцева // Путешествия русских послов XVI — XVII веков. — СПб., 2008. — С. 65). Схожую цифру называет и А. Тарановский, посол Речи Посполитой при дворе Девлет-Гирея, участвовавший в качестве наблюдателя в этом походе, причем он говорит об участии в походе 30

тыс. ногаев (очевидно, давно уже живших в Крыму), ведомых сыном хана Адыл-Гиреем (РНЕ году генваря в 22-ой день писана сия 7185 книга в дому боярина князя Василя Васильевича Голицина, глаголемая: сия книга история о приходе турецкаго и татарскаго воинства под Астрахань лета от создания мира 7185, а от рождества Христова 1677 (далее — История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань) // Записки Одесского общества истории и древностей. — 1872. — Т. VIII. — С. 483). О Тарановском см.: Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // ИЗ. — М., 1947. — Т. 22. — С. 139—141.

¹¹³ Сомнительно, чтобы хан отправил в поход всех своих людей, кто мог сидеть в седле — кто-то же должен был остаться и для защиты Крыма от тех же днепровских казаков, немало ему досаждавших. Численность их в 1576 г. хан определял в 3 тыс. чел., см.: Стороженко А.В. Стефан Баторий и днепровские казаки. — Киев, 1904. — С. 31. Этот же историк приводит интересную выдержку из письма аббата С. Грабовецкого императору Максимилиану II, датируемое сентябрем 1576 г. В нем аббат писал, что «...татары, ходившие походом на Москву, вернулись...Они шли в числе 40000...» (цит. по: Там же. — С. 34). Казалось бы, какое отношение имеют эти сведения к событиям 1572 г.? Однако ряд деталей письма позволяет говорить о том, что речь шла именно о походе Девлет-Гирея на Москву, закончившемся разгромом орды под Молодями. Прежде всего, в 1576 г. крупных набегов крымских татар на русскую «украину» не было, не говоря уже о походе на Москву — в 1576 г. хан вышел из Крыма и встал на Молочных водах, однако, получив известие, что Иван IV уже ждет его на Оке, вернулся обратно в Крым. См.: РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 414—415. Т.о., до «прямого дела», о котором говорится в письме Грабовецкого, не дошло. Ближайший по времени крупный набег был в сентябре 1573 г., когда «приходили крымские царевичи на резанские места, и з берегу за ними ходили бояре и воеводы князь Семен Данилович Пронской с товарищи. А ходили до

Ведери реки за Михайловым городом и тотар не дошли и пошли опять по своим местом. А было дело наперед тово украинным воеводам князю Данилу Ондревичю Нохтеву Суздальскому с иными украинными воеводами...» (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 355—356). Однако в этом случае татары не дошли до Оки, о чем говорится в письме Грабовецкого, и если и было с ними «прямое дело», то в Поле. Остается только один подходящий год — 1572 г., когда действительно, татары ходили на Москву и были разбиты, а многие перетонули в Оке во время отступления.

¹¹⁴ Штаден Г. Записки о Московии. — С. 177. Трактовку см., напр.: Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление российского самодержавия. — С. 416—417.

¹¹⁵ Русские источники того времени сообщают о 20 тыс. ногаев. См., напр.: Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 270. Однако в этом случае речь шла скорее всего о крымских ногаях — тех, кто откочевал в Крым еще в 1-й пол. XVI в. Названный их предводителем мурза Тягриберди, по мнению В.В. Трепавлова, глава кипчакского эля Ногайского улуса в составе Крымского ханства.

¹¹⁶ Статейный список Г.И. Микулина // Путешествия русских послов XVI — XVII веков. — С. 174.

¹¹⁷ См., напр.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 354; Трепавлов В.В. Малая Ногайская Орда. Очерки истории // Тюркологический сборник 2003—2004. — М., 2005. — С. 284.

¹¹⁸ Отношения между ногаями и казахами носили враждебный характер еще с начала XVI в., и не далее как накануне астраханского похода 1569 г. казахи под началом хана Хакк-Назара совершили набег на ногаев и были разбиты (Статейный список И.П. Новосильцева. — С. 70). Вряд ли после этого ногаи решились бы отправить все свои силы в поход на Москву, оставив свои кочевья совершенно беззащитными и предоставив казахам реальный шанс взять реванш.

---

¹¹⁹ Статейный список И.П. Новосильцева. — С. 66.

¹²⁰ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. — С. 354.

¹²¹ О приблизительных размерах ногайских ратей свидетельствуют материалы разрядных и посольских книг. Так, сын хана Большой Ногайской орды Дин-Ахмеда Ураз-Мухаммед ставил себе в заслугу, что в 1569 г., «как приходил турецкой паша да крымской царь под Асторахань», он де был готов выступить на помощь русскому гарнизону крепости с десяти тысячным войском. Хан-мурза похвалялся тогда же, что де у него 20 тыс. воинских людей, однако же при этом просил у Ивана 10 тыс. ратников с пищальями «Сибирь воевати». Тогда же 10 тыс. ногайских всадников во главе с двумя мурзами отправились в Крым, при этом «двор» одного из мурз составлял 600 воинов, а предыдущей осенью на Литву с крымскими царевичами ходили 13 тыс. ногаев (Продолжение древней Российской Вивлиофики. — СПб., 1801. — Ч. XI. — С. 192—194, 198, 203, 265, 269). В 1594 г. казыевский мурза Баран-Гази атаковал шацкие места с 8 тыс. воинов (РК 1475—1605. — М., 1989. — Т. III. Ч. III. — С. 76).

¹²² Нечто вроде легких пушек-фальконетов, перевозимых на верблюдах? По крайней мере, так можно истолковать показания А. Тарановского, который писал, что в астраханском походе 1569 г. «в воинстве татарском токмо бе двадцать пушек полевых, их же везоша вельблюды» (История о приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань. — С. 480). О том, что хан имел артиллерию, говорит и разрядные книги (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 311), и повесть о разгроме Девлет-Гирея (Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 270).

¹²³ За царем, по описанию Тарановского, «шли телеги, и их же вельблюды возя-ху, телеги же овья бяху вси о дву колесах» (Там же. — С. 484).

¹²⁴ См.: Новгородские летописи. — С. 114—118.

¹²⁵ В письме, отправленном Ивану Грозному после поражения при Молодях, Девлет-Гирей писал о том, что ногаи пребывали с ним уже пять месяцев — т.е.

они прибыли в Крым не позднее марта месяца 1572 г. (Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 182).

¹²⁶ Как уже было отмечено выше, согласно сведениям Г.-Л. де Боплана, обычно в начале похода средняя скорость марша татарского войска составляла порядка 25 км в сутки (Боплан Г.-Л. Описание Украины. — М., 2004. — С. 229). Это тем более подходит к нашему случаю, если учесть, что хан шел во главе большого войска, обремененного артиллерией и обозом. Зная о том, что 17 июля 1572 г. Ивану Грозному, находившемуся в Новгороде, уже было известно о том, что движение татар обнаружено сторожами (см.: Счетное дело Василья Никитина Пушкина с Ондреем Осиповичем Плещеевым. — С. 87—88), можно предположить, что неприятель был замечен русской разведкой на территории нынешней Харьковской области, в верховьях рек Мжа и Коломак (см.: АМГ. — Т. I. — С. 7), в первых числах июля 1572 г., но не позднее 5—6 июля. Следовательно, чтобы попасть сюда с Молочных вод, татары должны были выступить в поход не позднее середины июня 1572 г.

¹²⁷ Т.о., бытующее мнение о том, что русская разведка не сумела обнаружить татар (см., напр.: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. — С. 155), ошибочно, равно как и утверждение о том, что нет документального подтверждения успешной работы сторожевой служб (см.: Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. — С. 174) — такое подтверждение в источниках, как было отмечено выше, есть.

¹²⁸ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 309—310.

¹²⁹ «А как по вестям были воеводы в сходе на берегу из украинских городов. В большом полку в сходе з бояры и воеводы со князем Михаилом Ивановичем Воротынским да с Ываном Васильевичем Меньшим Шереметевым з Дедилова воевода князь Ондрей Дмитриевич Палецкой, из Донкова князь Юрьи Курлятев; да в большом же полку был Юрьи Франзбек с немцы. В правой руке з бо-

ярином и воеводою со князь Микитою Романовичем Адуевским да с воеводою с Федором Васильевичем Шереметевым с Орла воевода Василей Колычов. В передовом полку с воеводою со князь Ондреем Петровичем Хованским да с окольнічим со князь Дмитреем Ивановичем Хворостининым из Новосили воевода князь Михайло князь Юрьев сын Лыков...» (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 309).

¹³⁰ О том, что соединение-«сход» «береговых» и «украинных» воевод состоялось, позволяет утверждать местническое дело кн. Б.М. Лыкова и Д.М. Пожарского (Дело князя Бориса Михайловича Лыкова с кн. Дмитрием Михайловичем Пожарским // РИС. — Т. II. — С. 364).

¹³¹ Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 269; ПСРЛ. — Т. 34. — С. 192.

¹³² Между Калугой и Коломной на Оке не так уж и много мест, где можно было «перелезть» через реку большому конному войску, так как левый берег Оки в этих местах, как правило, высокий и обрывистый. См., напр.: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. — Т. 1. — С. 402—405. Это обстоятельство, вне всякого сомнения, облегчало задачу, стоявшую пред Воротынским и его товарищами.

¹³³ Соловецкий летописец второй половины XVI в. — С. 225.

¹³⁴ Симсон П. История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историю. — С. 95.

¹³⁵ «Первое дело было в субботу сторожевому полку князю Ивану Петровичу Шуйскому на Сенкином броду...» (РК 1559—1605. — С. 85). См. также: Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 179; Синбирский сборник. — С. 35. Видимо, из района Каширы после 23 июля сторожевой полк был передвинут Воротынским примерно на 20—25 км западнее, на Сенькин «перевоз», а полк левой руки — ближе к Серпухову.

---

¹³⁶ РК 1559—1605. — С. 85. В другом списке этой же разрядной книги последняя фраза процитированного отрывка звучит несколько иначе, более драматично — «...а дело было **большое** (выделено нами. — В.П.)...» (Синбирский сборник. — С. 35). По нашему мнению, накануне выхода Девлет-Гирея к Оке М.И. Воротынский произвел перегруппировку своих сил на правом фланге аналогичную той, что была проделана им на левом, подтянув полк правой руки из района Тарусы ближе к Серпухову, а передовой полк — на место полка правой руки.

¹³⁷ ПСРЛ. — Т. 34. — С. 192.

¹³⁸ Скорее всего, именно об этом эпизоде и рассказывал в своих записках Г. Штаден (Штаден Г. Записки о Московии. — С. 195, 437, 439). Правда, само описание стычки, вышедшее из-под пера Штадена, выглядит довольно неправдоподобно — 300 русских всадников вопреки первоначальному приказу ввязались в бой с несколькими тысячами татар, и Штаден не только успел послать гонца с требованием оказать ему поддержку, но и получить от князя Д.И. Хворостинина отрицательный ответ. Получается, что Штаден в течение довольно долгого времени дрался с многократно превосходящими его малочисленный отряд татарами, но сила и солому ломит, поэтому так как Хворостинин не оказал ему помощи, то Штаден и потерпел неудачу. А вот если бы его поддержали, то... Одним словом, мнение Г.Д. Бурдея, принявшего откровения немецкого авантюриста за чистую монету, представляется ошибочным (Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 года. — С. 69).

¹³⁹ Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 237. Ср.: РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 311.

¹⁴⁰ Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 270.

¹⁴¹ Предложенная нами реконструкция событий 27 июля представляется более точной, чем та, которую дал, например, Р.Г. Скрынников хотя бы потому, что

никак не получается согласиться с тем, что схватка полка правой руки с татарами состоялась «верх Нары» (см.: Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 448—449). Последнее означало бы, что этот бой произошел 27 июля примерно между нынешними Кубинкой и Наро-Фоминском, т.е. не менее чем в 60 км по прямой от Дракино, где переправился Дивей-мурза, и не менее чем в 90 км от Сенькиного «перевоза», места переправы Тягриберди-мурзы. Вслед за Р.Г. Скрынниковым буквально это место разрядной книги прочел В.А. Колобков и допустил ту же ошибку, см.: Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. — С. 449. Мало того, что это место находится на столь большом расстоянии, примерно дневного перехода скорым маршем, от мест переправы, но оно еще и далеко в стороне от Серпуховской дороги, не менее чем в 45 км. Чтобы выйти туда, согласно реконструкции Р.Г. Скрынникова, ногаям Тягриберди или воинам Дивей-мурзы от Сенькиного «перевоза» нужно было бы проделать марш примерно в полторы сотни км менее чем за день, что физически невозможно. Свидетельство же разрядной книги о том, что столкновение полка правой руки и татар произошло «на Оке реке верх Нары» (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 310), по нашему мнению, необходимо трактовать так, что эта стычка произошла не в верховьях Нары, а выше по течению Оки от места впадения в нее Нары. Пискаревский летописец разрешает эту загадку и дает четкую привязку по месту — брод на Оке в районе деревни Дракино.

¹⁴² В одном северном летописце, вологодском, по предположению М.Н. Тихомирова, отмечено, что татары переправились через Оку в трех местах (Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. — С. 92). Разрядная книга 1550—1636 г. называет это третье место — Тешилово (РК 1550—1636. — М., 1975. — Т. I. — С. 198). О Тешилове и его местоположении см.: Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Археологического общества. — СПб., 1851. — Т. I. Отд. II. — С. 23.

---

¹⁴³ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 311. Ср.: «Тое же ноцы царь оставил на том месте татар тысящи з две, а велел с нашими воеводы травитися, а сам в ноцы той на понедельник на том же на Сенькине перевозе со всем войском своим на сию страну Оки реки перелез...» (Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 270).

¹⁴⁴ Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 237. Ср.: Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 270; РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 311.

¹⁴⁵ Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 270; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 237; РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 311.

¹⁴⁶ ПСРЛ. — Т. 34. — С. 224.

¹⁴⁷ Там же. — С. 192.

¹⁴⁸ Мы отнюдь не случайно выделили фразу летописца о том, что воеводы пошли к Москве «розными дорогами». Поневоле на ум приходит принцип, сформулированный Г. Мольтке-старшим «Врозь идти — вместе драться». И для того, чтобы этот принцип мог быть реализован на практике, воеводам необходимо было заранее обговорить возможные варианты действий и наметить позиции, где должна была состояться встреча полков. Как писал тот же Мольтке, «... всегда опасно заменять заранее составленный и подготовленный план новым, неподготовленным. На основании слухов и неопределенных сведений нельзя было совершенно изменить маршрут. Вследствие этого должны были возникнуть разного рода затруднения; распоряжения, касающиеся подвоза жизненных припасов и запасных войск, приходилось видоизменять, а бесцельные марши могли подорвать доверие войск к начальникам» (Мольтке Г. фон. Военные поучения // Искусство войны. Антология военной мысли. — СПб., 2000. — Кн. 2. Новое время. — С. 288). По этой причине мы не можем согласиться с мнением В.В. Каргалова, который представил дело таким образом, что действия татар

для Воротынского оказались неожиданным и воеводе пришлось спешно пересматривать весь план войны (Каргалов В.В. Московские воеводы XVI — XVII вв. — С. 50). Подчеркнем еще раз — по нашему мнению, и в этом мы согласны с Д.М. Володихиным, М.И. Воротынский не похож на военачальника, способного к быстрой и яркой импровизации, и потому скорее всего такой вариант действий был заранее рассмотрен князем и обговорен с другими воеводами. Поэтому когда замысел татар стал очевиден, каждый знал, что ему надлежит делать.

¹⁴⁹ Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 270.

¹⁵⁰ И опять же возникает вопрос — каковы были планы крымского «царя», на что он рассчитывал, когда после завершения переправы через Оку начал марш на север, по направлению к Москве. Общепринятое мнение заключается в том, что именно столица была главной целью его похода (см., напр.: Волков В.А. Войны и войска Московского государства. — С. 155-156; Каргалов В.В. Московские воеводы XVI — XVII вв. — С. 50; Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 448). С этим можно согласиться, но с одной существенной оговоркой — Москва могла стать «царским призом» (по меткому выражению Д.М. Володихина) только тогда, когда будет разгромлена русская полевая армия. Девлет-Гирей и Дивей-мурза отнюдь не были бесталанными военачальниками и не могли не понимать всей опасности такого шага. Потому мы подчеркнем еще раз, что весь маневр с обходом серпуховской позиции, выдвижением ногаев к Москве и маршем ханского войска на север был задуман и осуществлен с одной целью — выманить русских на открытое пространство и дать им сражение в чистом поле, где должно было сказаться превосходство татар в коннице и численности. Но это были не Молоди — рельеф местности здесь явно не благоприятствовал действиям многочисленной татарской конницы.

¹⁵¹ Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 270; Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 237—238.

¹⁵² Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 238.

¹⁵³ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 312.

¹⁵⁴ Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 270—271. Ср.: Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 238; РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 312. Наличие в арьергарде ханских сыновей подтверждает и сам Девлет-Гирей в грамоте, посланной Ивану Грозному вскоре после сражения. Хан писал, что стремясь увидеть Ивана, он пошел по Серпуховской дороге, а «...твои (т.е. Ивановы. — В.П.) рати назади за мною шли, — и назади у меня дети, увидев, без нашего ведома бой был, которые богатыри сердца своего не уняв, на сердце свое надеясь, немногие наши годные люди бились и двух добрых взяли де, что дети мои без нашего ведома бились; на детей своих покручинивься, назад пришед твоих людей около есми облег...» (Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 183).

¹⁵⁵ Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 271.

¹⁵⁶ «Повесть...» недвусмысленно указывает на то, что гуляй-город был развернут именно в первый же день стояния на Молодях, тогда как согласно разрядной книге, он был поставлен только 30 июля (Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 271; РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 313). Однако логично было бы предположить, что воеводы не стали ждать два дня для того, чтобы поставить город, да и где бы они его хранили в «свернутом» виде?

¹⁵⁷ Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 238. Московский летописец сообщает интересную деталь схватки, не отраженную нигде больше: «...три тысячи стрельцов поставили от приходу за речкою за Рожаею, чтобы поддержати на пищалех. И царь послал нагаи 40 000 на полки, а велел столк-

---

нути. И русские полки одернулись обозом. И столь прутко прилезли, — которые стрельцы поставлены были за речкою, ни одному не дали выстрелить, всех побили» (ПСРЛ. — Т. 34. — С. 225). Сегодня сложно сказать, насколько точен был летописец, описывая схватку передового полка с татарами на отходе, отметим лишь, что в размещении стрелков за ручьем у подножия холма нет ничего невозможного, за исключением их числа — летописец явно преувеличил его, и весьма существенно — скорее всего, речь шла о 5 сотнях стрельцах, входивших в состав передового полка. Равно вполне правдоподобно и то, что ногаи, преследовавшие отступающие конные сотни детей боярских и «немцев» Фаренсбаха, атаковали стрельцов столь стремительно и неожиданно, что те не успели сделать дружного залпа, были засыпаны стрелами и порублены противником. Однако эта задержка в итоге дорого стоила татарам, попавшим под огонь стрелков и артиллерии из гуляй-города.

¹⁵⁸ Относительно того, где застала хана весть о поражении своего арьергарда, в источниках нет согласия. Согласно «Повести...», Соловецкому летописцу и разрядным книгам, хан успел переправиться через Пахру, но после того, как русские обыграли его в первой после переправы схватке, «...на Москву не пошел да, перешед Похру сем верст, стал в болоте» (см., напр.: Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 271). В то же время Московский летописец сообщает, что «царь» все же не дошел до Пахры (ПСРЛ. — Т. 34. — С. 225). Для того, чтобы разрешить эту загадку, обратимся к карте. Расстояние между Молодями и Пахрой в районе Подольска составляет примерно 20 км. Если хан успел до начала боя переправиться через Пахру, то выходит, что русский передовой полк и татарский «сторожевой полк» успели проделать по июльской жаре меньше чем за полдня, сражаясь, около 40 км. Это представляется невозможным, поэтому мы склоняемся к тому, чтобы принять свидетельство Московского летописца о том, что хан с главными силами все-таки до Пахры не дошел. Кстати, А. Лызлов в своей «Истории» отмечал, что после того,

---

как русские передовой полк разгромил татарский арьергард, хан не решился и дальше следовать к Москве и «стал с воинством, не дошед реки Пахры за семь верст...» (Лызлов А. Скифская история. — С. 149).

¹⁵⁹ Если мы правильно локализовали место расположения гулай-города и обоза русского войска, то они расположились на холме примерно в километре юго-восточнее Молодей за рекой Рожайкой и примерно в полукилометре восточнее Серпуховской дороги. Во всяком случае, это место соответствует данным Московского летописца и описанию церкви Воскресения Христова, «на погосте, что на Молодях, на речке Рожает». См.: ПСРЛ. — Т. 34. — С. 225; Холмогоров В., Холмогоров Г. Исторические материалы о церквях и селах XVII – XVIII ст. — М., 1889. — Вып. 7. Перемышльская и Хотунская десятины (Московского уезда). — С. 6). С трех сторон подножие холма окружала вода (Рожайка и впадающие в нее ручьи), восточный и южный склоны холма покрыты редким лесом и кустарником. Размеры холма составляли примерно 1,5 км с запада на восток и 1 км с севера на юг, вершина холма имела размеры 400 на 250 м.

¹⁶⁰ Примечательна очередность, с которой выезжали на «травлю» полки — «по чину». Об этом же писал и Штаден в своих записках: «...один воевода за другим должен был неизменно биться с войском царя» (Штаден Г. Записки о Московии. — С. 197). Постоянная смена полков и сотен позволяла русским воеводам поддерживать пламя схватки, в то же время имея под рукой постоянный резерв из свежих и отдохнувших людей.

¹⁶¹ Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 271; ПСРЛ. — Т. 34. — С. 225.

¹⁶² Очевидно, именно этим и было обусловлено не свойственное в принципе татарам стремление к «сьемному» бою, к рукопашной, что отмечал Б.Н. Флоря (Флоря Б.Н. Иван Грозный. — С. 282). Слишком многое зависело от исхода этого похода, похода необычного, главной целью которого не был простой грабеж и захват ясыря.

---

¹⁶³ ПСРЛ. — Т. 34. — С. 25.

¹⁶⁴ Там же. — С. 225.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Разные ветви рода Алалыкиных были испомещены не только в Суздальском (см.: Антонов А.В., Маштафаров А.В. Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатарий. — М., 2004. — Вып. 10. — С. 315), но и в Костромском уезде (Тысячная книга 1550 г. и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. — М.; Л., 1950. — С. 150). Поскольку Суздальский уезд одним из первых был включен в состав опричнины, то выходит, что Иван Алалыкин был опричником. Пискаревский летописец приписывает честь пленения Дивей-мурзы сторожевому полку, однако суздальский «город» входил в большой полк (Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 175). Следовательно, это свидетельство не может быть принято. Анализируя текст летописца, М.Н. Тихомиров предположил, что он был составлен в окружении князей Шуйских человеком, явно симпатизировавшим этому роду (Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI — начала XVII в. // История СССР. — 1957. — № 3. — С. 112—118). Если это предположение верно, то появление такой записи становится вполне понятным.

¹⁶⁷ ПСРЛ. — Т. 34. — С. 225.

¹⁶⁸ См.: Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 271; РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 313; Штаден Г. Записки о Московии. — С. 197. Помимо взятых в плен Дивей-мурзы и астраханского царевича, русские источники сообщают также о том, что было убито три представителя рода Ширинов, в плен было взято 90 татарских воинов, в т.ч. и несколько мурз. Со стороны же русских было убито 70 ратников и, конечно, много больше получили ранения (Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 271).

¹⁶⁹ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 313.

---

¹⁷⁰ В Пискаревском летописце, к примеру, сказано: «А в полкех учал бытии голод людем и лошедем великой; аще бы не Бог смилосердовался, не пошел царь вскоре назад, быть было великой беде...» (ПСРЛ. — Т. 34. — С. 192). Ср.: Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 183; Штаден Г. Записки о Московии. — С. 195.

¹⁷¹ Штаден Г. Записки о Московии. — С. 199.

¹⁷² ПСРЛ. — Т. 34. — С. 225.

¹⁷³ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 183; Штаден Г. Записки о Московии. — С. 201.

¹⁷⁴ Можно предположит, что это произошло, скорее всего, 1 августа. О поимке гонца см.: ПСРЛ. — Т. 34. — С. 192, 225. Сведения полученные от гонца, не могли не повергнуть хана в печаль. С момента его появления на русской «украине» прошло уже 8 дней. Известия же о том, что он идет на Москву, попали в Новгород еще раньше — из Москвы до Новгорода гонец ехал 3—4 дня. Надо полагать, что для хана не было секретом присутствие в Новгороде и большого войска, и одного из виднейших русских воевод, князя Мстиславского. Сведения, данные гонцом под пыткой, выглядели поэтому весьма правдоподобными, и если он говорил правду, то времени у хана оставалось в обрез — либо он немедленно атакует и разгромит рать Воротынского, либо через день—два нужно ожидать подхода свежих русских полков. Отметим, что Штаден также сообщает об эпизоде с «поиманием» гонца, однако инициативу в отправке грамоты он приписал Ивану Грозному, а посланную якобы из Новгорода рать численностью в 40 тыс. чел. должен был возглавить герцог Магнус (Штаден Г. Записки о Московии. — С. 201).

¹⁷⁵ Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 271.

¹⁷⁶ О решительном характере этого татарского наступления свидетельствует подмеченный еще А. Лызловым факт — против своего обыкновения многие та-

---

тарские воины спешили: «Татарове же, чрез обыкновенный свой строй сшедши с коней, поидоша пеши ко граду» (Лызлов А. Скифская история. — С. 149; см., также: Бурдей Г. Д. Молодинская битва 1572 года. — С. 72).

¹⁷⁷ Интересная деталь: Дж. Флетчер, явно со слов русских информаторов, писал, что «...устремляясь на неприятеля, бросаются они (татары. — В.П.) с большим визгом и кричат все вдруг: «Олла билла! Олла билла!» (Флетчер Дж. О государстве русском. — С. 92).

¹⁷⁸ Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 271—272. Ср. в разрядной книге: «И тотаровя пришли к гуляю и изымалися у города за стену руками, и тут многих тотар побили и руки пообсекли бесчисленно много...» (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 313). То же и в Соловецком летописце: «И как тотарове пришли к гуляю-городу да ималися руками за стену, и наши стрельцы тут многих тотар убили и рук бесчисленно тотарских отсекли» (Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 238). А. Лызлов добавляет, что хан послал в атаку и янычар, т.е., получается, свою пешую гвардию (Лызлов А. Скифская история. — С. 149).

¹⁷⁹ «А боярин князь Михайло Иванович Воротынской обошел с своим большим полком крымских людей долем, а пушкарем приказал всем из большово наряду ис пушек и изо всех пищалей стрелять по тотаром. И как выстрелили изо всево наряду, и князь Михайло Воротынской прилез на крымские полки ззади, а из гуляя города князь Дмитрий Хворостинин с немцы вышол...» (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 313—314). Перед нами яркий пример использования русскими типичного татарского маневра, известно также под названием «тулгама». Это о нем писал Бабур, повествуя о своем поражении весной 1501 г.: «Люди, которые зашли нам в тыл, также приблизились и начали пускать стрелы прямо в наше знамя; они напали спереди и сзади и наши люди дрогнули. Великое искусство в бою узбеков эта самая «тулгама». Ни одного боя не бывает без тулгама» (Бабур-наме. — Ташкент, 1992. — С. 107).

---

¹⁸⁰ Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. — С. 238.

¹⁸¹ Русские источники сообщают, что в последней схватке были побиты не только «многие крымские люди», но пали и ханский сын, и ханский внук, сын наследника крымского престола калги Мухаммед-Гирея (т.е. два «царевича»). А. Курбский добавлял к этому, что, по слухам, помимо двух погибших ханских сыновей еще один попал в плен. Видимо, от него позаимствовал эту информацию и А. Лызлов, писавший в своей «Истории...», что «на том тогда бою убиени быша ханский сын да калгин сын, и прочих знаменитых мурз и татар многое множество; и живии яти быша сын ханский и мурзы знаменитыя мнози...» (Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 272; Курбский А.М. История Иоанна Грозного. — С. 86; Лызлов А. Скифская история. — С. 149; ПСРЛ. — Т. 37. — С. 103; РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 314). Г.Д. Бурдей называет числе погибших еще и ханского зятя Ила-мурзу (Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 года. — С. 72). Сегодня трудно сказать, насколько точны эти сведения, однако с уверенностью можно утверждать, что среди пленных не было ханских сыновей — такой факт неизбежно бы нашел отражение в официальных документах и в переписке хана с Иваном Грозным. Сомнительной представляется и гибель ханского Девлет-Гирея — ни в одном источнике не названо его имя, хотя ханский сын отнюдь не рядовой татарин, и его гибель не осталась бы незамеченной.

¹⁸² Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. I. — С. 401, 403.

¹⁸³ Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 272.

¹⁸⁴ Там же. См., также: РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 314.

¹⁸⁵ См., напр.: Буганов В.И. Повесть о победе над крымскими татарами в 1572 году. — С. 272.

¹⁸⁶ Там же. См., также: РК 1475-1605. — Т. II. Ч. II. — С. 314

---

¹⁸⁷ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 183; ПСРЛ. — Т. 34. — С. 224—225.

¹⁸⁸ Лызлов А. Скифская история. — С. 150.

¹⁸⁹ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 314.

¹⁹⁰ ПСРЛ. — Т. 34. — С. 225.

¹⁹¹ Еще 3 августа Воротынский отправил в Новгород с радостной вестью, «что крымсково царя побили», князя Д.А. Ногтева, «письменного» голову большого полка, и А.Г. Давыдова (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 315).

¹⁹² Новгородские летописи. — С. 118—119. В Новгородской второй летописи помещен был, судя по всему, краткий пересказ победной реляции Воротынского, адресованной Ивану Грозному: «...Приехал царь крымской к Москве, а с ним силы его 100 тысяч и двацать, да сын его царевичь, да внук его, да дядя его, да воевода Дивий мурза, — и пособи Бог нашим воеводам московским над крымского силою царя, князю Михаилу Ивановичю Воротыньскому и иным воеводам московским государевым, и крымской царь побежал от них неvirно, не путми, не дорогами, в мае дружине; а наши воеводы силы у крымского царя убили 100 тысячь: на Рожае на речькы, под Воскресеньем в Молодех, на Лопасте, в Хотинском уезде, было дело князю Михаилу Ивановичю Воротыньскому с Крымским царем и с его воеводами, с царьми с кошинскими безбожного царя Крымского, а было дело от Москвы за пятьдесят верст» (Там же. — С. 119). Кстати, в первых числах августа в Новгород к Ивану должны были прийти известия и о смерти его старого врага короля Речи Посполитой Сигизмунда II Августа. Он умер 7 июля 1572 г., и как раз в это время в Речи Посполитой находился московский гонец В. Малыгин, одним из поручений которого было проведывание вестей о состоянии здоровья Сигизмунда. Естественно, что он немедленно поспешил с этим известием домой. См.: Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). — М., 1897. — Ч. 3 (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). — С. 101; Бантыш-

---

Каменский Н.Н. Переписка между Россией и Польшею. — С. 137; Трачевский А. Польское безкоролье по прекращении династии Ягеллонов. — М., 1869. — С. 250—251. Смерть Сигизмунда и начавшееся безкоролье в Речи Посполитой открывало перед Иваном новые внешнеполитические перспективы, прежде всего позволяя надеяться на приближение затянувшейся сверх всяких ожиданий Ливонской войны.

¹⁹³ Новгородские летописи. — С. 119; РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 315.

¹⁹⁴ Новгородские летописи. — С. 120.

¹⁹⁵ Там же. — С. 121.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Буганов В.И. Документы о сражении при Молодях. — С. 183.

¹⁹⁸ Там же. — С. 183.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Цит. по: Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 года. — С. 76.

²⁰¹ Первое послание шведскому королю Иоганну III. — С. 146.

²⁰² РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 319.

²⁰³ Зимин А.А. Опричнина. — С. 284.

²⁰⁴ ПСРЛ. — Т. 34. — С. 225.

²⁰⁵ Курбатов О.А. Документ об участии Леонтия Степановича Плещеева в событиях Тихвинского осадного сидения 1613 г. // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы. — М., 2009. — Вып. 1. — С. 86.

²⁰⁶ Штаден Г. Записки о Московии. — С. 201, 203. Сам же Штаден, судя по всему, имел очень плохой послужной список и за бегство с поля боя был лишен поместья (Там же. — С. 439, 441; см. также: Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 461). К тому же, по мнению многих историков, в связи с отменой опричнины, по крайней мере, в той ее форме, что существовала с 1565 г., после сражения при Молодях начался пересмотр землевладения и возвращение многим земским служилым людям их прежних поместий (см., напр.: Скрынников Р.Г.

Царство террора. — С. 460—461). Штаден, ставший жертвой этого пересмотра, вспоминал позднее, что после победы «...земским были возвращены все их вотчины потому, что они оказали сопротивление царю Крыма... Тем, кто был в опричнине, вместо этих снова должны были дать другие поместья» (Штаден Г. Записки о Московии. — С. 439).

²⁰⁷ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 316.

²⁰⁸ Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 475.

²⁰⁹ См.: Беликов В. Ю., Колычева В. И. Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI — начале XVII вв. // Архив русской истории. — 1992. — № 2. — С. 117.

²¹⁰ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 340.

²¹¹ Там же. — С. 340—341. См. также: РК 1475—1598. — С. 250.

²¹² «В большом полку быти большому воеводе, а передово полку и правой и левой и сторожевому полку первым воеводом быти меньши большова полку первова воеводы...» (РК 1475—1605. — М., 1977. — Т. I. Ч. II. — С. 383—384). См., также: Маркевич А.И. История местничества в Московском государстве в XV—XVII веке. — Одесса, 1888. — С. 274; Эскин Ю.М. Очерки истории местничества в России XVI—XVII вв. — С. 165.

²¹³ См.: ДРВ. — М., 1791. — Ч. XX. — С. 55.

²¹⁴ Текст самой грамоты гласил: «От царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси на Коломну боярину нашему и воеводе князю Василью Юрьевичю Голицыну. Писал ты к нам и велел нам бить челом на боярина на князь Михаила Воротынского, что тебе его меньши быть невмесно. И мы тебе пожаловали, велели быть со князь Михаилом Воротынским без мест, и ты б на нашей службе без мест был и списки б дворян и детей боярских взял, и вестовщиков бы есте на вести по городом посылали обышных людей детей боярских, и делом бы есте нашим промышляли неоплошно. А как вам береговая служба минетца и будет тебе до князь Михаила Воротынсково дело в отечестве, и мы тебя пожа-

---

луем, велим тебе на Воротынского суд дать и велим вас в вашем отечестве сче-
сти. Писано на Москве лета 7081-го году, июля в 11 день» (РК 1475—1605. —
Т. II. Ч. II. — С. 340—341).

²¹⁵ «Одним из самых темных и необъяснимых эпизодов эпохи Грозного был суд
над прославленным воеводой князем М.И. Воротынским, — писал Р.Г. Скрын-
ников, — открывший новую страницу в истории раздоров царя с «землей»...»
(Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 475). А. Курбский связывал опалу с
доносом, который сделал на князя его беглый холоп, обвинивший полководца в
ворожбе с умыслом нанести вред здоровью Ивана (Курбский А.М. История
Иоанна Грозного. — С. 87). Позднее, уже в 1574 г., допрашивая бежавших из
Крыма русских пленников, Иван под пытками получил признание от двух лю-
дей князя И.Ф. Мстиславского в том, что де и Мстиславский, и Воротынский
государю «не прямят, изменяют и в Крым ссылаются» (Допрос царем Иоанном
Грозным русских пленников, вышедших из Крыма // Богоявленский С.К. Мос-
ковский приказной аппарат и делопроизводство XVI—XVII веков. — М., 2006.
— С. 501—502).

²¹⁶ А.И. Маркевич отмечал, что обычно разряд объявлялся тем, кто был в него
записан и непосредственно после этого объявления несогласные с разрядом
могли бить челом государю, начиная местническое дело (Маркевич А.И. Исто-
рия местничества в Московском государстве в XV—XVII веке. — С. 328—
329). В нашем случае разряд был объявлен, как следует из текста разрядной
книги, 15 апреля, невместная грамота Голицыну была подписана государем 12
июля.

²¹⁷ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 341. А. Курбский дал драматичное опи-
сание последних дней Воротынского (Курбский А.М. История Иоанна Грозно-
го. — С. 87—88), но насколько можно доверять его описанию — остается во-
просом. Разбор мнений и версий относительно причин новой опалы и смерти
М.И. Воротынского см.: Володихин Д.М. Воеводы Ивана Грозного. — С. 190—

196; Колобков В.А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия. — С. 466—469; Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 475—477.

²¹⁸ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 341. И снова Курбский дал описание смерти Одоевского. См.: Курбский А.М. История Иоанна Грозного. — С. 87—88.

²¹⁹ См.: Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. — С. 47; Скрынников Р.Г. Царство террора. — С. 479.

²²⁰ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 349.

²²¹ Там же. — С. 365.

²²² Послужной список Д.И. Хворостинина в эти годы см., напр.: Каргалов В.В. Московские воеводы XVI—XVII вв. — С. 69—71.

²²³ РК 1475—1598. — С. 287.

²²⁴ См., напр.: РК 1559—1605. — С. 160.

²²⁵ РК 1559—1605. — С. 186.

²²⁶ РК 1475—1605. — М., 1984. — Т. III. Ч. I. — С. 210.

²²⁷ Там же. — С. 63.

²²⁸ Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма. — С. 501—503.

²²⁹ Послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь // Послания Ивана Грозного. — С. 178. Почему гроза миновала? Возможно, это было вызвано тем, что Шереметевы находились в очень хороших отношениях с дьяками братьями Щелкаловыми, видными деятелями конца царствования Ивана Грозного (см.: РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 343—345).

²³⁰ РК 1559—1605. — С. 138.

²³¹ Там же. — С. 160.

²³² Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578-1582) // Гейденштейн Записки о Московской войне (1578-1582). Шлихтинг А. Новое известие о Рос-

---

сии времени Ивана Грозного. Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. — С. 128; РК 1559—1605. — С. 87.

²³³ Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV—XVI веках // АЕ за 1957 год. — М., 1958. — С. 78; РК 1475—1605. — М., 1987. — Т. III. Ч. II. — С. 17.

²³⁴ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 320, 346 и далее.

²³⁵ См.: ДРВ. — Т. XX. — С. 55. Согласно разрядным книгам, И.П. Шуйский был боярином уже весной 1576 г. (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 402).

²³⁶ РК 1475—1605. — Т. II. Ч. II. — С. 402; То же. — М., 1982. — Т. II. Ч. III. — С. 444.

²³⁷ «По суду велел государь князь Ивана Петровича Шуйсково перед князем Васильем Юрьевичем Голицыным оправить, а велел учинить князь Ивана Юрьевича Голицына больши князь Ивана Петровича Шуйсково, а князь Ивана Петровича Шуйсково велел учинить больши князя Василья Юрьевича Голицына» (РК 1475—1605. — Т. II. Ч. I. — С. 109).

²³⁸ См., напр.: РК 1475—1598. — С. 253—254, 258—259, 270, 273, 278, 285.

²³⁹ РК 1475—1605. — Т. III. Ч. I. — С. 30.

²⁴⁰ По другой версии, Дивей был жив еще в 1577 г., а в 1581 г. бежал из Старицы, где он был с Иваном Грозным, к Стефану Баторию, где и затерялись следы знаменитого татарского военачальника (см.: Бурдей Г.Д. Молодинская битва 1572 года. — С. 78).